

ВЕСТНИК

ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИ-
ВЕРСИТЕТА

Серия «Естественные, общественные науки»

Вып. 3, 2008

Право. Социология. Международные отношения

Научный журнал

Издается с 2000 года

Журнал зарегистрирован в Министерстве Российской Федерации
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ № 77-16954 от 5 декабря 2003 г.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

В. Н. Егоров, д-р экон. наук
(председатель)
Д. И. Польшинский, д-р ист. наук
(зам. председателя)
В. И. Назаров, д-р психол. наук
(зам. председателя)
Л. В. Михеева (ответственный секретарь)
К. М. Авербух, д-р филол. наук (Москва)
Ю. М. Воронов, д-р полит. наук
Н. В. Усольцева, д-р хим. наук
К. Префке, профессор (Германия)
Ю. М. Резник, д-р филос. наук (Москва)
О. А. Хасбулатова, д-р ист. наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Д. И. Польшинский, д-р ист. наук
В. Н. Аргунова, д-р соц. наук
Т. М. Явчуновская, канд. юрид. наук

Над выпуском работали:

директор издательства *Л. В. Михеева*
редакторы: *О. В. Батова*, *О. Я. Литвак*
технический редактор *И. С. Сибирева*
компьютерная верстка *Г. Б. Клецкина*
обложка *Р. Е. Круглов*

ISBN 978-5-7807-0756-1

© ГОУ ВПО «Ивановский
государственный университет», 2008

СОДЕРЖАНИЕ

Право

Родионова О. В. Трансформация понятия государства и его сущности 3
Кузьмина О. В. Особенности доказывания по уголовным делам в состязательном судопроизводстве 12
Карлявин И. Ю. Интеллектуальная собственность в системе объектов гражданских прав 20
Таибова О. Ю. Государственное управление в сфере миграции населения: административно-правовой аспект 30

Социология

Белова Т. П. Роль этнорелигиозных факторов в городском развитии 42

Международные отношения

Зобнин А. В. Политические консультации как механизм повышения эффективности внешнеполитической деятельности Российской Федерации в XXI веке 60

Аннотации 69

Summaries 71

Сведения об авторах 73

Информация для авторов «Вестника Ивановского государственного университета» 74

IVANOVO STATE UNIVERSITY BULLETIN

Series "Natural, Social Sciences"

Issue 3, 2008

Law. Sociology. International Relations

Scientific journal

Issued since 2000

The journal is registered in the Russian Federation Ministry
of Press, Television and Radio Broadcasting and Mass Communications
Registration certificate PI № 77-16954 of December 5, 2003

EDITORIAL COUNCIL:

- V. N. Egorov*, Doctor of Economics
(Chairman)
D. I. Polyviannyi, Doctor of History
(Vice-Chairman)
V. I. Nazarov, Doctor of Psychology
(Vice-Chairman)
L. V. Micheeva (Secretary-in-Chief)
K. M. Averbuch, Doctor of Philology
(Moscow)
Yu. M. Voronov, Doctor of Politics
N. V. Usoltseva, Doctor of Chemistry
K. Prefcke, Professor (Germany)
Yu. M. Reznik, Doctor of Philosophy
(Moscow)
O. A. Khasbulatova, Doctor of History

EDITORIAL BOARD:

- D. I. Polyviannyi*, Doctor of History
V. N. Argunova, Doctor of Sociology
T. M. Yavchunovskaya, Candidate of Science
(Law)

Editorial Staff:

Publishing House Director *L. V. Mikheeva*
Editors: *O. V. Batova*, *O. Ya. Litvak*
Technical Editor *I. S. Sibireva*
Computer layout *G. B. Klyotskina*
Cover *R. E. Kruglov*

ISBN 978-5-7807-0756-1

© SEI of HPE "Ivanovo State University",
2008

CONTENTS

Law

Rodionova O. V. Transformation of the notion
of state and its essence 3

Kuzmina O. V. Peculiarities of criminal cases'
evident proof in adversary legal proceedings 12

Karlyavin I. Yu. Intellectual property in civil
rights object system 20

Taibova O. Yu. Public administration in the
sphere of population migration: administrative-
legal aspect 30

Sociology

Belova T. P. The role of ethnic and religious fac-
tors in urban development 42

International Relations

Zobnin A. V. Political consultations as a me-
chanism of effectiveness increase in the activity
of foreign policy of the Russian Federation in
the XXI century 60

Annotations 69

Summaries 71

Information about the authors 73

Information for the authors of "Ivanovo State
University Bulletin" 74

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОНЯТИЯ ГОСУДАРСТВА И ЕГО СУЩНОСТИ

Нет иной политической организации такого масштаба, как государство. Возникнув на заре цивилизации и претерпев множество преобразований, оно не утратило своей актуальности как общественное явление и по сей день, хотя заметно модифицировалось даже по сравнению с государствами, относящимися к эпохе Нового времени. Наиболее адекватная оценка того или иного уровня развития государства имеет своим условием отыскание его местопребывания в координатах истории. И потребуются вся совокупность признаков, характеризующих конкретное государство как некое реально существующее явление, *как особенное*: это и форма правления, и политический режим, и форма территориального устройства, и национальная правовая система, и этнокультурные особенности, и присущий только данному государству исторический контекст, и целый ряд менее значительных признаков, без которых, тем не менее, не возникнет целостного образа исследуемого государственного образования как явления действительности.

Но государство имеет и такие характеристики, которые обуславливают его *сущность*. И в этом случае наше исследование углубляется в другую ипостась государства: мы изучаем *общие* черты государства как такового, как некой обезличенной, абстрактной модели.

Категория «сущность» имеет неоднозначную трактовку в разных источниках. Так, Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона предлагает следующее определение данного понятия: «*Сущность, философ.*, постоянное, основное свойство вещи, без которого она немыслима, атрибут субстанции» [5, с. 560]. Сущность выступает в этом случае как некая *постоянная* статичная величина. В Советском энциклопедическом словаре уже несколько иное определение: «*Сущность и явление*, филос. категории. Сущность — это внутреннее содержание предмета, выражающееся в единстве всех его многообразных свойств и отношений; явление — то или иное обнаружение предмета, внешние формы его существования. В познании выступают как ступени постижения предмета (от явления к сущности)» [18, с. 1295]. И в этом определении мы не усматриваем динамики категории «сущность»: она выступает как стабильный статичный критерий явления. А вот в Кратком философском словаре более позднего года издания другая трактовка категории «сущность»: «*Сущность* — это отношения или свойства системы, от которых зависят другие ее отношения или свойства. *Явление* — это свойства, признаки и отношения системы, обусловленные ее сущностью... В смысле обширности, объема свойств явление богаче сущности, но в смысле глубины сущность богаче явления. Явление выражает одну из сторон сущно-

сти, никогда полностью не совпадая со всей сущностью. В процессе познания важно в главном... схватить сущность... Этим вносится конкретность в диалектику уровней сущности, но вместе с тем и не перекрывается дальнейшее движение по уровням развивающейся, постоянно модифицирующейся сущности» [10, с. 382]. Последнее определение понятия «сущность» кажется нам более близким к истине, т. к. практика показывает, что *всё* в мире изменяется. Причем изменения носят не только внешний характер, затрагивая явление, но, накапливаясь, приводят и к более глубинным переменам — к изменениям сущности. Это касается и таких крупномасштабных социальных институтов, как государство.

Но прежде чем приступить к исследованию сущностных характеристик государства, мы определим, что же представляет собой само государство. Ведь нет не только однозначного определения данного понятия, но также и однозначной трактовки этого общественного феномена. Необходимо учитывать, что любая дефиниция охватывает не все, а лишь отдельные стороны явления, которые определяются как главные, основные, при этом само явление предстает в урезанном, обедненном виде. И надо также отметить, что понимание государства обуславливается прежде всего временными параметрами. То есть в зависимости от того или иного временного континуума, в котором находится и субъект, изучающий государство, и объект — само государственно-организованное общество, определение данного понятия и его сущностные характеристики будут несколько отличаться от характеристик государства в рамках иного временного континуума, что подтверждает наш тезис об изменчивости не только явления, но и сущности государства. Это позиционируется в первую очередь объективными факторами — развитием государственно-организованного общества и постоянным появлением у него новых черт и признаков.

Большое значение имеет также и политико-мировоззренческая позиция автора той или иной концепции государства (субъективный фактор). Таким образом, вырисовывается проблема *генезиса государства* как первоочередная и весьма значимая.

Государство — явление сложное, многофакторное, существующее достаточно длительное время. И его всестороннее изучение предполагает многоплановый анализ, основанием которого выступают и разнообразные философско-мировоззренческие концепции, и различные методологические подходы. Так, Л. С. Мамут уже в 70-е гг. XX века предложил рассматривать государство как полисемантическое образование, выделяя субстанциональный, атрибутивный и институциональный уровни государственно-организованного общества [12, с. 172], что является наиболее продуктивным вариантом исследования.

Но обратимся к истории вопроса. Государство, детерминированное объективно создавшимися условиями, возникает как форма организации общества в силу необходимости. Современная наука пришла к выводу, что первоначальное государство существовало в трех формах, которые, по сути, являются этапами эволюции государства, ведущими к современным моделям [17, с. 109]. Первую форму обозначают как *элементарное* начальное государство, где политика представляет собой совокупность родственных отношений, слабо развита специализация труда и возможны прямые контакты между правителем и представителями народа. Вторая форма — *типичное* начальное государство, которое отличается от предыдущей формы тем, что здесь родст-

венные отношения уравниваются территориальными связями. И третья форма — *переходное* начальное государство, в политической жизни которого родственные связи играют второстепенную роль, значительно развит государственный аппарат. В этой последней форме государственно-организованного общества обнаруживаются первые классовые столкновения, имеется в наличии частная собственность на средства производства, развивается рыночная экономика.

Интересен тот факт, что государство — это не необратимое явление. Известны попятные, регрессивные движения динамики общественного развития. Когда в XIX веке исследователи нашли в бассейне реки Амазонки племена, для которых характерен примитивный образ жизни, то первоначально решили, что они находятся на первых стадиях развития человечества, но впоследствии выяснилось, что это остатки обществ с более сложной организацией, разрушенных ранее европейским завоеванием [17, с. 110].

И все же основные тенденции развития государственности таковы: наличие известной степени неравенства в обществе, средоточие политической и законодательной власти в руках монарха или аристократии, территориальное закрепление населения, уменьшение роли родственных связей в пользу управленческих, иерархических отношений, урбанизация.

Зарождение государства происходило в различных формах. Но, как справедливо отмечает Норбер Рулан, «ни одна эпоха, ни одна часть света, ни одна цивилизация не имеют монополии на этот процесс [17, с. 114]. На основании современных археологических данных можно сделать следующие выводы. Древние города-государства — первая историческая форма государства, для которой свойственны определенные характеристики: чаще всего устанавливалась монархическая форма правления; очень развита была торговля; суверенитет не имел устойчивого характера; иногда города-государства объединялись в империи или гегемонии (хотя термин «империя» содержательно несколько отличается от его современного понимания). Сущность государства *данного этапа развития* заключалась в консолидации населения государства, его территориальном обособлении от других государств-сообществ и защите населения данного государства от захвата и порабощения соседями. А оптимизация жизни населения государства происходила чаще всего за счет приобщения (захвата) новых территорий и порабощения соседних племен и народов.

В античности понимание государства приобрело несколько иной формат. Так, Аристотель определяет государство как «политическое общение» граждан [1, с. 375]. Стагирит воспринимает государство как организацию политического сообщества, и это мнение надолго закрепляется в европейском политическом менталитете. Цицерон обозначает государство как «...достояние народа, а народ не любое соединение людей, собранных вместе каким бы то ни было образом, а соединение многих людей, связанных между собою согласием в вопросах права и общностью интересов...» [20, с. 20]. В дефиниции Цицерона появляются две категории: «право» и «интерес», через которые он дает определение понятия государства: без права нет государства, а общность интересов или некий консенсус интересов выступает определяющим для данного явления (государства) моментом, его *сущностью*, по Цицерону, хотя тот и не пользуется категорией «сущность» в данном контексте. Следует отметить, что в античной политической мысли идея государства *как союза* является преобладающей.

В эпоху Средневековья учение о государстве Аристотеля стало основой для концепций Фомы Аквинского и Марсилия Падуанского, которые также рассматривают государство как союз, как общность.

В Новое время Г. Гроций продолжил традицию трактовки государства как политической ассоциации *всего общества*. В своей работе «Три книги о праве войны и мира» он определяет государство как «...совершенный союз свободных людей, заключенный ради соблюдения права и общей пользы» [7, с. 74]. Дж. Локк в труде «Два трактата о правлении» аналогично трактует государство: «Под государством я все время подразумеваю не демократию или какую-либо иную форму правления, но любое независимое сообщество, которое латиняне обозначили словом “civitas”; этому слову в нашем языке лучше всего соответствует слово “государство” (commonwealth), оно более точно выражает понятие, обозначающее такое сообщество людей» [11, с. 338].

А позиция Иммануила Канта, выдержанная в том же ключе, настолько актуальна, настолько созвучна современности, словно и не минули столетия с тех пор, как были написаны эти строки: «Государство (civitas) — объединение множества людей, подчиненных правовым законам» [9, с. 344]. Видимо, этот консонанс с современностью обусловлен высокой степенью абстракции философии И. Канта, а также объективностью и минимальной политизированностью его концепции.

Хотя справедливости ради следует отметить, что порой политико-мировоззренческие установки не являются препятствием на пути истины. Так, в частности, в XIX веке марксизм предложил свою классовую доктрину государства: оно выступает как орудие классовой власти, которое появляется вместе с появлением частной собственности и дифференциацией общества на различные по интересам социальные группы — классы. И эта доктрина выдержала апробацию практикой. В частности, работа Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» очень убедительна и полностью адекватна своему времени. Вот характеристика государства, предложенная Ф. Энгельсом: «Государство есть продукт общества на известной ступени развития; государство есть признание, что это общество запуталось в неразрешимое противоречие с самим собой, расколосось на непримиримые противоположности, избавиться от которых оно бессильно. А чтобы эти противоположности, классы с противоречивыми экономическими интересами, не пожрали друг друга и общество в бесплодной борьбе, для этого стала необходимой сила, стоящая, по-видимому, над обществом, сила, которая бы умеряла столкновение, держала его в границах “порядка”. И эта сила, происшедшая из общества, но ставящая себя над ним, все более и более отчуждающая себя от него, есть государство» [14, с. 176]. И вряд ли можно было как-либо иначе охарактеризовать государственно-организованное общество середины XIX века, когда оно было охвачено революционной борьбой, а классовые противоречия стояли остро, не сглаженные развитой социальной функцией государства. Но в этом определении есть одна особенность: автор сужает понятие «государство» до понятия «аппарат государственной власти», по существу отождествляя их. А в предыдущих учениях о государстве речь всегда шла о *государственно-организованном обществе*, т. е. понятие «государство» включало в себя не только аппарат государственной власти, но и граждан (подданных), и налоги и сборы, и суверенитет, и прочие конститутивные атрибуты государства. Эта минимизация в понимании государства, сведение

его к аппарату государственной власти будет преобладать не только в науке о государстве, но и в европейской политической публицистике в XX веке. И Ф. Хайек [19, с. 41], и Б. Бади и П. Бирнбаум [3, с. 17], и А. С. Ахиезер [2, с. 71] полагают, что государство есть выделившийся из общества специализированный профессиональный аппарат управления. А некоторые авторы даже утверждают, что «...в науке, по крайней мере на операциональном уровне, вообще не существует определений государства» [4, с. 175], что вряд ли можно считать соответствующим действительности.

Анализируя многообразие определений понятия «государство» и подчеркивая его полиструктурность и полифункциональность, видный отечественный теоретик государства Л. С. Мамут отмечает, что причиной такого положения вещей является природа человеческого восприятия внешнего мира, не позволяющая ему полно воспринимать исследуемый объект в силу целого ряда причин: определенной заинтересованности, уровня интеллекта, господствующих в обществе идеологических и гносеологических парадигм, преследуемых практических и познавательных целей [13, с. 18—19]. Он делит все существующие взгляды на государство на четыре группы: первую составляют «мысленные отражения» признаков, выражающих публично-властную натуру государства; вторую — мнения относительно его генезиса; третью — взгляды, отражающие внешний облик государства, его композицию; четвертую группу — функциональная характеристика государства [13, с. 19].

Можно согласиться с маститым автором по основным параметрам последнего утверждения. Но для нас наиболее важными являются следующие аспекты: насколько та или иная ипостась государства, в виде акцента на каком-либо свойстве государства, проявляется в зависимости от временного фактора (т. е. степени развития государственно-организованного общества в рамках конкретного временного континуума) и каким образом субъективный фактор определяет этот акцент.

Думается, что политико-мировоззренческая составляющая исследователя (субъективный фактор) — весьма важный фактор, определяющий такой выбор. Ученый, сам не являющийся политиком и не ангажированный представителями публично-государственной власти, как правило, более объективен в своих оценках и чаще всего рассматривает государство как общественную организацию, как сообщество всех людей на определенной территории. Его также может интересовать и функциональная составляющая государства. Напротив, политизированные авторы акцентируют свое внимание на институтах государственной власти и обычно рассматривают государство как некий корпус чиновников, должностных лиц, отчужденных от общества, которое существует *как бы* отдельно от государства, отождествляемого ими с верховной властью и совокупностью должностных лиц.

Но субъективность исследователя проявляется не только в этом. Весьма важной составляющей субъективной оценки государства является порой, кроме мировоззрения ученого, его политических убеждений, и его ангажированность той или иной политической силой, особенно если речь идет о государстве, существующем в одном временном континууме с исследователем. И так было, есть и будет всегда. Чтобы убедиться в правоте этого суждения, стоит только взять в руки «Государство» Платона, или «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельса, или «О правосознании» И. А. Ильина, или любое другое исследование государства или его ас-

пектов. Практически невозможно сохранить *абсолютную* беспристрастность, абсолютную политическую стерильность по отношению к политике, проводимой представителями публичной власти в том конкретном государстве, гражданином которого является исследователь. Определенная степень ограниченности любого государствоведческого исследования обеспечена в числе прочего и ограниченностью познания окружающего мира и его явлений как в абсолютном измерении, так и относительно уровня знаний конкретного исследователя.

Субъективный фактор проявляется и через методологическую позицию того или иного автора. Так, В. А. Четвернин отмечает, что понимание и, соответственно, дефиниция государства будут меняться в зависимости от того, какому типу правопонимания отдает предпочтение тот или иной автор. В рамках позитивистского типа правопонимания им выделяются социологическое и легистское понятия государства, а в рамках непозитивистского — юридическое понятие государства [21, с. 88]. Этот автор предлагает следующие определения государства: 1) социологическое понятие государства — «...это наиболее действенная (наиболее сильная, верховная, суверенная) организация власти у населения, проживающего в пределах определенной территории» [21, с. 89], легистское понятие государства — «...подразумевает оформленный законами *аппарат* публичной политической власти, его организацию и функционирование, его законные полномочия» [21, с. 100] и юридическое понятие государства, данное В.С. Нерсесянцем, — «государство — это правовая форма организации и функционирования публичной политической власти. Термин “правовая”, естественно, предполагает здесь феномен права, не тождественный закону» [21, с. 106].

Ту или иную трактовку определения государства обуславливают и объективные причины, в том числе так называемый временной фактор. Общество не существует вне времени. Динамично развиваясь, оно выдвигает на первый план то обострившуюся классовую борьбу, то экономический, то военный, то глобализационный детерминант, то социальный фактор и т. д., и т. п. Таким образом, именно актуальность той или иной ипостаси государственной жизни в какой-либо отрезок времени определяет интерес исследователей к той или иной стороне государства, абсолютизируя ее и *как бы* отодвигая в сторону остальные характеристики государства.

Европейская наука изменяет вектор восприятия государства где то в XVII—XVIII веках. Так, в частности Ж. Бодэн в своем труде «Шесть книг о государстве» системообразующим элементом государства считает руководство общностью людей, осуществляемое суверенной властью. Государство у Ж. Бодэна воплощает государь либо орган, наделенный прерогативами государя. Т. Гоббс определяет понятие и сущность государства в этой же традиции, несколько иначе расставляя акценты [6, с. 133]. У него государство — это одно верховное лицо, которое составляет и саму *сущность* государства. Государство в Новое и Новейшее время стали определять через государя, через группу управленцев, через аппарат государственной власти. Трудно однозначно ответить на вопрос, что же все-таки явилось основным детерминантом столь ущербного понимания государства. Высказывается мнение, что причина тому — «необоримая потребность масс в картине мира политики, доступной их уразумению... Перед вещами осложненными, полиморфно устроенными и полифункциональными, требующими компетентной

критико-аналитической работы ума, обыденное массовидное сознание пасует» [13, с. 26].

Сужение понятия «государство» до аппарата государственной власти весьма негативным образом отражается на мировоззрении общества. Ведь если государство — это не мы, граждане, то мы не ответственны за дела государства. И отрадным является факт возрождения и признания иной позиции, иных взглядов на государство, в которых отсутствует антагонистическое противоречие аппарата государственной власти и общества.

Хотя некоторые известные современные отечественные государствоведы считают, что, «рассматривая государство как политическое сообщество, нельзя отождествлять государство, взятое в этом качестве, и общество в целом», что такой взгляд, по существу, является анахронизмом [22, с. 43]. Правда, аргументировать это утверждение автор не стал, предложив его как само собой разумеющееся. Но разница в определениях понятия «государство» радикальным образом меняет взаимоотношение граждан и органов государственной власти в аспекте взаимной ответственности. Категория «государственный интерес» имеет различную смысловую нагрузку в зависимости от того, что мы понимаем под государством. Если это органы государственной власти, то для гражданина государственный интерес становится отчужденной категорией. А если государственно-организованное общество, то это *наш, общий* интерес — и гражданина, и государства, потому что мы в данном случае *части одного целого*.

Очень хорошо об этом сказал И. А. Ильин: «Сущность государства состоит в том, что *все его граждане* имеют, помимо многих различных, противоположных или одинаковых интересов и целей, *одну, единую цель и один, общий интерес*... *Духовная солидарность* есть подлинная и реальная основа государства» [8, с. 175—177].

Понятие «солидарность» является весьма значимым для понимания сущности государства как способа организации общества. «*Солидарность* — (фр. *solidarité*) единомыслие, единомыслие, общность интересов; активное сочувствие чьим-то действиям или взглядам...» [16, с. 748]. Действительно, этот термин относится к чувству сопричастности, которое объединяет людей, создавая привязанность к социальной группе, взаимные обязательства гражданина и государственно-организованного общества, обуславливающие совместные действия. Т. Г. Маршалл считает, что именно статус гражданина наделяет индивидуального субъекта гражданскими, политическими и социальными правами, которые усиливают чувство солидарности, чувство сопричастности *к государственному образованию* [23]. Солидарность является *инвариантным системообразующим принципом*, определяющим качественные, в том числе некоторые *сущностные* характеристики государственно-организованного общества.

Известный современный российский государствовед В. Е. Чиркин отмечает: «Сущность государства понимается в литературе двояким образом: как философская сущность (особое общественное явление) и как социальная сущность (она связана прежде всего с природой государственной власти). ...Изучение сущности государства как особого института общества, отличного от других общественных явлений, связано прежде всего с вопросом о возникновении и тенденциях развития государства» [22, с. 25]. Но далее на страницах своего учебного пособия определения понятия сущности государства автор не дает [22, с. 32—49].

Другой современный российский ученый В. А. Четвернин в рамках социологического понимания государства сущность этого явления определяет так: «...в социологическом понятии государство отождествляется с организацией публичной власти независимо от содержания власти. И... сущность государства объясняется как сила, организованное насилие» [21, с. 89]. Но этот автор считает, что сторонники социологического понимания государства, характеризуя его сущность, не всегда на первый план выносят насилие: «Со времен древности политическая мысль различала две наиболее яркие стороны публичной политической власти — организованное насилие как *средство* и решение общих дел, достижение общественного благополучия как *цель* принудительной власти. Социологическое понятие государства позволяет подчеркнуть лишь одну из этих сторон. Если хотят подчеркнуть принудительную силу, то говорят: государство — это организация принудительного управления обществом (диктатура, аппарат насилия и т. д.). Если же хотят подчеркнуть социальную цель публичной политической власти, то говорят: государство — это власть, призванная решать общие дела» [21, с. 93].

Некоторые современные исследователи традиционно определяют сущность государства через понятие государственной власти. В частности, Л. А. Морозова сложнейший вопрос о сущности государства решает предельно просто: «Применительно к государству определить его сущность — значит установить, в чьих руках сосредоточена государственная власть, чьим интересам она служит, чью волю выражает» [15, с. 39]. И здесь, во-первых, четко проглядывает определение понятия государства как аппарата государственной власти, а во-вторых, сущность государства позиционируется как воля доминирующего класса.

В рамках такой концепции марксизм также является разновидностью социологического понимания государства, и с позиций марксизма сущность государства — это насилие, господство одного класса над другими. Для государств, существовавших в рамках аграрного и индустриального общества, такая позиция не только приемлема, но, пожалуй, может считаться единственно верной. Но для государств, существующих в эпоху постиндустриального общества, акценты смещаются. Государственная политика в форме организованного насилия в современном мире обуславливает историческую незрелость данного государственно-организованного общества.

Для современного государства, рассматриваемого в деятельностном аспекте, наиболее важной, определяющей его сущностные характеристики является социальная функция. Именно развитая социальная функция государства в постиндустриальном обществе сглаживает социальные противоречия в такой мере, что насилие становится ненужным. Именно она защищает интересы социально слабых групп населения, достигая тем самым определенного компромисса, объединяя различных по социальному статусу людей в единую общность — государство. Социальная функция государства, гарантируемая правом гражданства, выступает базовым *детерминантом* социального единения, *солидарности* граждан в рамках государственно-организованного общества. А солидарность, как мы выяснили выше, является *инвариантным системообразующим принципом*, определяющим качественные, в том числе конститутивные, *сущностные* характеристики государственно-организованного общества.

Можно попытаться выявить сущность государства через отдельные его признаки и функции. Некоторые из них остаются неизменными на всем протяжении существования государства, а другие зависят от конкретного временного континуума, в котором расположено исследуемое государство. Но изменимость тех или иных признаков и функций не говорит о том, что они не являются сущностными. Такого рода динамика, как уже отмечалось, свидетельствует лишь о том, что *модернизируется не только явление* (конкретное государственное образование), но и *сущность* этого явления (совокупность обозначенных признаков и функций).

Библиографический список

1. *Аристотель*. Политика // Соч.: В 4 т.: Пер. с древнегр. / Общ. ред. А. И. Доватура. М., 1983. Т. 4.
2. *Ахиезер А. С.* Синкретизм или либерализм // Рубежи. 1995. № 4.
3. *Бади Б., Бирнбаум П.* Переосмысление социологии государства // Междунар. журн. соц. наук. 1994. № 4 (7).
4. *Белков П. Л.* Раннее государство, предгосударство, протогосударство: игра в термины // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. М., 1995.
5. *Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А.* Энциклопедический словарь: Современная версия. М., 2003.
6. *Гоббс Т.* Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Соч.: В 2 т.: Пер. с лат. и англ. / Сост., ред., авт. примеч. В. В. Соколов. М., 1991. Т. 2.
7. *Гроций Г.* О праве войны и мира. М., 1956.
8. *Ильин И. А.* Философия права. Нравственная философия. М., 1993. (Соч.: В 2 т.; Т. 1).
9. *Кант И.* Метафизика нравов // Соч.: В 8 т. М., 1994. Т. 6.
10. Краткий философский словарь / Под ред. А. П. Алексеева. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2002.
11. *Локк Дж.* Сочинения: В 3 т. М., 1988. Т. 3.
12. *Мамут Л. С.* Карл Маркс как теоретик государства. М., 1978.
13. *Мамут Л. С.* Государство в ценностном измерении. М., 1998.
14. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. Т. 21.
15. *Морозова Л. А.* Теория государства и права в вопросах и ответах: Учеб. пособие. М., 2007.
16. Новейший словарь иностранных слов и выражений. М.; Минск, 2002.
17. *Рулан Н.* Историческое введение в право. М., 2005.
18. Советский энциклопедический словарь / Гл. ред. А. М. Прохоров. 4-е изд. М., 1986.
19. *Хайек Ф.* Общество свободных. Сдерживание власти и развенчание политики // Открытая политика. 1995. № 8 (10).
20. *Цицерон.* Диалоги: О государстве. М., 1994.
21. *Четвернин В. А.* Понятие права и государства: Введ. в курс теории права и государства. М., 1997.
22. *Чиркин В. Е.* Государствоведение. М., 1999.
23. *Marshall T. H.* Citizenship and social class. London, 1981.

ОСОБЕННОСТИ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ В СОСТЯЗАТЕЛЬНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Путь к современному пониманию сути уголовного процесса был долгим и непростым. С учетом исторических условий и под влиянием множества действовавших в конкретных странах факторов (этнических, культурных, экономических, религиозных и др.) складывались неодинаковые представления о том, как должны решаться узловые вопросы производства по уголовным делам. К таким вопросам относятся прежде всего процессуальное положение и роль суда при разбирательстве уголовного дела, объем процессуальных прав обвиняемого и защитника, пределы процессуальных полномочий обвинителя, определение цели и содержания доказывания, оценки доказательств и т. п. Неодинаковые подходы к решению этих проблем влияют на общую характеристику конкретных уголовно-процессуальных систем. В уголовно-процессуальной доктрине с давних пор принято различать четыре основные формы процесса, складывавшиеся и развивавшиеся в разное время: обвинительный, розыскной (инквизиционный), состязательный и смешанный. Важно подчеркнуть при этом, что законодательно установленная форма процесса является индикатором экономического и политического устройства общества.

Исторический процесс генезиса состязательности как концепции справедливого и разумного способа организации правовой жизни, судебной системы протекал в контексте общекультурного формирования и развития человеческого рода одновременно с утверждением принципа господства права и признанием формального (правового) равенства. Цивилизованное судопроизводство невозможно без его состязательного построения. Именно состязательность определяет природу уголовного процесса. Более чем тысячелетняя история развития этого принципа наглядно демонстрирует его связь с демократическими формами политического устройства общественных структур, указывая на то, что он является главным инструментом защиты справедливости в суде.

Состязательность сторон в уголовном процессе — важнейшее условие исследования сущности судебного спора, собирания и проверки доказательств, установления истинных обстоятельств дела. Последовательное закрепление сначала в Конституции РФ, а затем в Уголовно-процессуальном кодексе РФ (далее — УПК РФ) принципа состязательности позволит построить уголовное судопроизводство в соответствии с тремя самостоятельными признаками: наличием сторон, их процессуальным равенством и независимостью от отделенного от сторон суда. Если эти признаки собраны воедино, то перед нами состязательная модель — идеальный тип процесса, в котором спор равных сторон разрешается независимым судом [6, с. 19]. Таким образом, речь идет об организации процессуальной деятельности, при которой подобный спор является источником движения уголовного дела.

Законодательная регламентация правил, которым должно соответствовать доказывание в процессе расследования и судебного рассмотрения уголовного дела, представляет собой важнейший компонент всей процедуры судопроизводства. При этом в отличие от других процессуальных институтов правила доказывания как бы вплетены в ткань всего уголовного процесса, являются сердцевинной уголовно-судопроизводства. Существует неразрывная связь правил доказывания с общей конструкцией уголовно-процессуальной формы, обусловленной политическими, экономическими, историческими и культурными причинами. Конкретное содержание отношения «государство — личность» в сфере уголовного судопроизводства проявляется, с одной стороны, в исторической форме уголовного процесса, сущностным признаком которой является соотношение процессуальных статусов органов уголовного преследования и обвиняемого, защитника, а с другой стороны, в сочетании в нем публичных и диспозитивных начал [7, с. 117—118].

В настоящее время в России принцип состязательности определяет общую конструкцию уголовного судопроизводства. Она построена на признании высшей социальной ценностью соблюдения должной правовой процедуры, приоритете прав и свобод человека, в силу чего осуждение невиновного считается более опасным для общества, чем оставление безнаказанным виновного. Исходные положения этой концепции закреплены не только в национальном законодательстве значительного числа государств, в том числе и в России, но и в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г., которая была ратифицирована нашей страной в 1998 г. В международном праве состязательность рассматривается в качестве основополагающего условия справедливого правосудия.

Однако и по сей день существуют разногласия в сфере уголовного судопроизводства, суть которых сводится к решению вопроса о том, что является более приоритетным: процессуальные гарантии, снижающие риск осуждения невиновного, или поиск виновного совместными усилиями органов уголовного преследования и суда.

Если приоритет отдается стремлению установить подлинные обстоятельства расследуемого дела, то такие элементы процессуальной формы, как запрет поворота к худшему, правила об исключении доказательств, а также все проявления диспозитивного начала, выступают препятствием к достижению основной цели доказывания.

Если же приоритет отдается процессуальным гарантиям, то это означает, что установленная законом процедура уголовного судопроизводства признается большей ценностью для общества, чем установление всех без исключения лиц, виновных в совершении преступления [3, с. 19]. Таким образом, правила доказывания должны соответствовать иерархии ценностей, существующей в обществе на каждом этапе его развития.

Сегодня, как и в конце XIX — начале XX в., юристы вновь ведут споры о том, обеспечивает ли состязательный процесс справедливость правосудия, должна ли противопоставляться активная роль суда в процессе состязательному началу его осуществления, как обеспечить реальное равноправие сторон в процессе, а также о необходимости достижения истины в ходе производства по конкретному делу.

Отход от розыскной формы уголовного судопроизводства в нашем государстве выразился в отделении функции суда от функции органов уголовного преследования; ликвидации института возвращения дела для дополни-

тельного расследования; придании абсолютного характера запрету поворота к худшему; запрещении использования доказательств, полученных с нарушением закона, какова бы ни была оценка их достоверности; в обязательности участия государственного обвинителя в судебных стадиях и, наконец, в расширении прав защиты. Реформирование отечественного уголовного судопроизводства, переход от розыскного к состязательному процессу позволили разделить процессуальные функции, ввести элементы диспозитивности, возродить суд присяжных. С введением единоличного порядка рассмотрения дел, возрождением суда присяжных и института мировых судей были преобразованы и формы судопроизводства. Причем если ранее состязательность рассматривалась в основном как принцип судебного разбирательства, то теперь появились основания распространить его на все стадии уголовного процесса.

Изменение процессуальной формы уголовного судопроизводства не могло не повлечь изменения правил доказывания. Среди них есть те, которые в равной мере свойственны как розыскному, так и состязательному процессу. Это правила, устанавливающие круг обстоятельств, подлежащих доказыванию; правила, определяющие перечень видов доказательств, и т. п. Однако немало и таких, которые непосредственно зависят от построения процесса по определенному типу:

а) если исходной является концепция уголовного иска, которой соответствует состязательное построение судопроизводства, то предмет судебного разбирательства, а следовательно, и пределы доказывания определяются обвинением; принцип благоприятствования защите создает основу юридического равенства сторон, правила о допустимости становятся приоритетными при оценке последних и т. д.;

б) если же уголовное судопроизводство носит розыскной характер, то правила доказывания строятся таким образом, чтобы у суда не было каких-либо препятствий в стремлении установить подлинные обстоятельства дела, а защите не предоставляется возможностей активного участия в процессе доказывания. Достоверность доказательства при таком подходе является главным критерием его оценки и практического использования [3, с. 23].

Смена ориентиров уголовно-процессуальной деятельности выявила наущную потребность в переосмыслении методологических основ теории доказывания по уголовным делам. Обусловлено это еще и тем, что нормы доказательственного права и практическая деятельность по их применению, являясь основой уголовно-процессуальной деятельности, напрямую связаны с принятием законов РФ «Об оперативно-розыскной деятельности в РФ», «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», «О государственной судебно-экспертной деятельности» и других, которые существенно меняют подход к определению ряда понятий, связанных с доказательствами и доказыванием.

Полномочия, права и обязанности участников уголовного судопроизводства, т. е. их статус, в процессе доказывания наиболее полно отражают особенности процессуальной формы, ее принадлежность к тому или иному типу, характер соотношения в ней розыскных и состязательных начал.

Действующий УПК РФ устанавливает правило, в соответствии с которым бремя доказывания обвинения лежит на стороне обвинения (ч. 2 ст. 14). Еще Цицерон утверждал, что никто не может быть осужден без соответствующего обвинения [6, с. 19]. Проблема статуса должностного лица —

участника уголовного судопроизводства со стороны обвинения в процессе доказывания предполагает анализ полномочий прокурора, следователя и дознавателя.

Если проанализировать полномочия следователя, закрепленные в УПК, то можно сказать, что законодатель допустил смешение основных уголовно-процессуальных функций, а именно функций обвинения и разрешения дела, поскольку в руках следователя сосредоточено собирание всех доказательств, как уличающих, так и оправдывающих обвиняемого; как смягчающих, так и отягчающих его ответственность. Примечательно и то, что функцию защиты выполняет сам обвиняемый, а также его защитник. Однако следователь способствует ее реализации, ибо обвиняемый и защитник без конкретных действий следователя не в состоянии самостоятельно осуществить полноценную защиту. Пока следователь и прокурор будут принимать решения о движении дела, ни о какой независимости данных лиц речи быть не может. Ведь деятельность следователя и прокурора представляет собой всего лишь звенья одной цепи, в которой данные должностные лица выполняют одну и ту же функцию присущими каждому из них способами. Полномочия следователя и прокурора, связанные с движением дела, должны осуществляться под непосредственным контролем суда, только тогда будет реализована идея подлинной состязательности досудебного производства. Принятие подобных решений стороной обвинения в отсутствие судебного следователя будет свидетельствовать о явно выраженном неравенстве сторон.

Как представляется, усиление элементов состязательности нужно усматривать в расширении сферы действия судебного контроля [5, с. 17]. Суд в лице судебного следователя в досудебном производстве должен осуществлять следующие действия: 1) принятие решений о ходе дела; 2) санкционирование ограничений конституционных прав, свобод и законных интересов граждан; 3) рассмотрение жалоб на действия (бездействия) должностных лиц. Исторический опыт существования института судебных следователей позволит безболезненно данным должностным лицам войти в действующую систему органов судебной власти. Использование зарубежного положительного опыта в сфере применения принципа состязательности также указывает на продуктивность введения в содержание этого принципа в уголовном процессе функции судебного следствия [2, с. 11]. Однако такое новшество в системе действующего уголовно-процессуального права требует существенных корректив всех основ регулирования стадий процесса и в настоящее время может быть предложено лишь в качестве перспективной идеи.

Федеральным законом от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ внесены изменения в УПК РФ и Закон о прокуратуре. Они связаны с созданием нового органа — Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации. С созданием Следственного комитета изменилось соотношение полномочий прокурора и руководителя следственного органа. Анализ законодательства (с учетом внесенных изменений) позволяет сделать вывод, что функция надзора за процессуальной деятельностью как органов дознания, так и органов предварительного следствия по-прежнему закреплена в ст. 37 УПК. Изменился перечень полномочий прокурора (по отношению к органам предварительного следствия), а также формы и методы осуществления прокурорского надзора. Что касается надзора прокурора за процессуальной деятельностью органов дознания, то все его подобные полномочия не только сохранены, но и расширены в соответствии с Федеральным законом от 6 июня 2007 г. № 90-ФЗ.

Судебная реформа требует, чтобы прокуратура сосредоточила свои усилия на уголовном преследовании, чем она, собственно говоря, во всем мире и занимается. Сохранение за прокуратурой многофункциональности, на наш взгляд, нарушает принцип состязательности.

Статус участников со стороны защиты в процессе доказывания определяется прежде всего тем, что на них не лежат обязанности установления фактических обстоятельств дела и доказывания невиновности подозреваемого или обвиняемого (ч. 2 ст. 14 УПК). При этом если сторона обвинения должна быть всегда активной, движущей силой, то сторона защиты может занимать как активную позицию, т. е. доказывать невиновность подсудимого, так и пассивную, т. е., не представляя доказательства невиновности обвиняемого, обращать внимание лиц, ведущих процесс, на противоречия в доказательствах обвинения, получение их с нарушением установленного законом порядка, их неполноту.

Действие презумпции невиновности предполагает, что процесс доказывания, как и производство по делу в целом, возникает тогда, когда эта презумпция оспаривается, т. е. доказывается противоположное утверждение. Если презумпция невиновности существует, то из нее неизбежно следует, что бремя доказывания лежит на обвинении. Интересно отметить, что в России из этого правила нет исключений, а вот, например, в английском уголовном процессе оно допускает существенные изъятия. Во-первых, обвинение обязано доказать вину обвиняемого лишь тогда, когда последний ее отрицает, т. е. когда между сторонами есть спор. Если обвиняемый вину признает, то это освобождает обвинение от бремени доказывания, что может служить процессуальной предпосылкой для назначения наказания без анализа собранных доказательств, а равно для заключения между сторонами различных «делок» или «соглашений». Во-вторых, обвинению достаточно доказать только наличие самого факта преступления и вины обвиняемого в его совершении. В то же время если в ходе разбирательства уголовного дела, по которому событие преступления и совершение его подсудимым установлены и не оспариваются, защита ссылается на обстоятельства, освобождающие обвиняемого от уголовной ответственности (например, на его невменяемость), то бремя доказывания обоснованности данной ссылки переходит на защиту. В-третьих, существуют отдельные категории уголовных дел, когда обвинению достаточно доказать только факт совершения определенных действий. Бремя же доказывания отсутствия вины лежит на защите. Так, по Закону о предупреждении коррупции, чиновник, получивший от кого-либо подарок, обязан доказать, что его действия не связаны с коррупцией. Аналогично решается вопрос и в Законе о предупреждении преступлений: лицо, у которого обнаружено оружие, обязано доказать наличие у него права на его хранение и ношение [1, с. 101].

Равноправие сторон, присущее состязательному процессу, необходимо рассматривать в рамках процедуры уголовно-процессуального доказывания. Для того чтобы установить, имеется ли оно на досудебном производстве, достаточно обратиться к анализу процессуальных возможностей по участию стороны защиты в процессе доказывания (см., например, ст. 86 УПК РФ). Равные возможности сторон обвинения и защиты по участию в процессе доказывания могут обеспечиваться одним из двух юридических способов: 1) закреплением за стороной защиты доказательств на тех же условиях, на которых собирают доказательства органы уголовного преследования (известно,

что после многочисленных дискуссий в основу концепции УПК РФ не была положена идея введения независимого параллельного расследования, проводимого стороной защиты); 2) лишением сторон права на самостоятельное собирание доказательств. Полномочия по изъятию и фиксации фактических данных предоставляются независимому третьему лицу — судебному следователю или судье [7, с. 37].

Таким образом, и здесь мы приходим к выводу, что равноправие в уголовно-процессуальном доказывании может быть обеспечено независимым и беспристрастным субъектом — судом. Избавлением в досудебном производстве от несвойственных состязательности начал и одновременно утверждением традиционно устоявшихся элементов состязательности будет служить институт судебных следователей.

В настоящее время сторона обвинения, представленная государственными органами, наделенными властными полномочиями, естественно, обладает неравными со стороной защиты возможностями отстаивания своей позиции. В целях возможного смягчения этого неравенства, его сглаживания, а также для сужения репрессивных возможностей государства закон предоставляет защите ряд процессуальных преимуществ, которые в общем виде можно обозначить как правила благоприятствования защите (привилегии защиты). Помимо принципа презумпции невиновности, они находят свое выражение в ряде других процессуальных институтов, таких как асимметрия правил о допустимости доказательств; очередности представления доказательств в суде и выступлений в прениях; право обвиняемого давать показания в любой момент судебного следствия; предоставление подсудимому последнего слова и т. п. К ним относятся также те положения закона, которые расширяют возможности обвиняемого влиять на форму судебного разбирательства и его конечный результат (выбор суда присяжных или коллегии из трех судей, особого порядка судебного разбирательства), прекращение дел в связи с примирением сторон, в связи с деятельным раскаянием. Все это расширило для обвиняемого свободу выбора способа разрешения конфликта с уголовным законом. В процессе перехода от розыскной формы уголовного судопроизводства к состязательной своего рода благоприятствованием защите являются все те нововведения, которые в определенной мере сокращают преимущества органов уголовного преследования, а также содействуют равноудаленности суда от обвинения и защиты (ликвидация института возвращения дела на дополнительное расследование; правила, определяющие степень стабильности оправдательного приговора, а также невозможность ухудшения судом кассационной инстанции положения лица, в отношении которого вынесен обвинительный приговор).

Уголовный процесс зарубежных стран и России устанавливает определенную судебную активность в ходе судебного разбирательства уголовных дел, а полномочия суда позволяют влиять на собирание доказательств по делу. Судебная активность соответствует состязательному типу уголовно-процессуальной деятельности, но она должна иметь определенные законом пределы. Тем не менее ни уголовно-процессуальное законодательство, ни судебная практика не определили направления проявления судебной активности.

Новый УПК РФ практически освобождает суд от его традиционной обязанности участия в процессе доказывания и закрепляет лишь обязанность председательствующего по руководству судебным заседанием и обеспечению состязательности и равноправия сторон (ч. 1 ст. 243). Однако пассивный суд,

не ищущий истины, безразлично относящийся к ее установлению, не может в полной мере защитить человека, государственные и общественные интересы, вынести законный, обоснованный и справедливый приговор. Поскольку именно суд, а не государственный обвинитель и защитник, несет полную ответственность за принятое решение, то он не может быть связан тем доказательственным материалом, который ему представляется обвинением и защитой. В том случае, если сторонами представлено недостаточно доказательств для обоснования решения по делу, суд может по собственной инициативе истребовать и исследовать доказательственную информацию. Иное положение не соответствует, на наш взгляд, ст. 6 УПК РФ. В то же время важно сохранять компромисс между обязанностью суда выносить законные и обоснованные решения, с одной стороны, и необходимостью проводить четкую границу, отделяющую функцию правосудия от функции обвинения, — с другой. Таким образом, активность суда в состязательном судопроизводстве может проявляться в определенных пределах. В розыском же процессе тождество задач суда и органов уголовного преследования (в плане установления фактических обстоятельств дела) снимало какие-либо ограничения инициативы суда в поисках истины. Важно также отметить, что реформирование отечественного уголовного судопроизводства в виде перехода от розыского к состязательному процессу законодательно освободило суд от обязанности восполнять дефекты предварительного расследования.

Следующим немаловажным фактором перехода в России от розыского процесса к состязательному является установление приоритета правил допустимости доказательств при их оценке.

Применительно к правилам, регулирующим процесс доказывания, место процедуры судопроизводства (процессуальной формы) в системе принятых законодателем ценностей выражается прежде всего в соотношении таких свойств доказательств, как достоверность и допустимость. Чем строже требования к процессуальной форме доказательств, лежащих в основе обвинения, тем выше оценка социальной значимости процедуры уголовного судопроизводства. Решение вопроса о характере связи допустимости доказательств с их достоверностью основывается на иерархии задач, стоящих перед уголовным судопроизводством, на соотношении таких ценностей, как соблюдение процессуальной формы, с одной стороны, и установление фактических обстоятельств дела, достижение истины — с другой. А это соотношение, в свою очередь, зависит от того, какие социальные ценности призван защищать институт допустимости доказательств. Как отмечают многие процессуалисты, его предназначение выражается в том, что данный институт является гарантией обнаружения фактов, подлежащих установлению по делу, а также обеспечивает соблюдение прав участников судопроизводства. Так, например, И. Л. Петрухин, раскрывая двойное назначение процессуальной формы, отмечает, что «специфика поиска истины в уголовном процессе состоит в том, что не только предметы, но и средства формализованы, т. е. в самом законе указаны источники доказательств и процессуальные действия, необходимые для их обнаружения. Таким образом, соблюдение процессуальной формы — гарантия достижения истины. В то же время процессуальная форма является также гарантией защиты личности от излишнего принуждения и произвола при поисках истины. Охраняя права человека, процессуальная форма создает трудности для отыскания истины. В ряде ситуаций закон расценивает права и свободы человека как большее социальное благо, чем достижение истины по уголовному делу» [4, с. 195—196].

К числу таких ситуаций относится и признание доказательств недопустимыми. В уголовно-процессуальной теории и на практике общепризнано, что допустимое доказательство должно соответствовать следующим условиям: а) законность источника сведений; б) надлежащий субъект получения доказательства; в) использование для его получения того следственного или судебного действия, которое предусмотрено законом; г) проведение этого действия с соблюдением установленных законом требований; д) закрепление и оформление сведений способом, указанным в законе.

Состязательность обеспечивает допустимость собираемых и используемых доказательств в силу следующих обстоятельств: 1) законным способом получения доказательств является такой, при котором обеспечивается реальное равенство сторон обвинения и защиты; 2) принимая итоговое процессуальное решение, уполномоченный субъект обязан указать в соответствующем документе (обвинительном заключении, обвинительном акте, приговоре) как доказательства, подтверждающие обвинение, так и доказательства, представленные стороной защиты в опровержение обвинения; 3) процедура постановки и решения вопроса о признании доказательств недопустимыми основана на предоставлении сторонам равных возможностей для заявления и обсуждения соответствующих ходатайств, обжалования соответствующих решений.

Доказательства, полученные с нарушением требований уголовно-процессуального закона, являются недопустимыми (ст. 75 УПК). Эта норма основана на конституционном запрете использовать при осуществлении правосудия доказательства, полученные с нарушением закона (ч. 2 ст. 50 Конституции РФ), что подчеркивает особую социальную ценность процессуальной формы. Тем не менее вопрос о возможности использования доказательств с дефектной процессуальной формой нельзя считать полностью решенным. Вряд ли можно отрицать необходимость деления допущенных нарушений на существенные и несущественные, устранимые и неустраиваемые. Проблема ограничительного толкования конституционного запрета использовать доказательства, полученные с нарушением закона, сохраняется несмотря на то, что УПК РФ этот запрет воспроизводит без каких-либо изъятий. Совершенно очевидно, что нарушения установленных правил могут носить «технический характер», т. е. исключать вероятность какого-либо влияния как на содержание доказательства, так и на реализацию прав участников процесса. Однако весьма трудно найти ту грань, которая отделяет технические ошибки от всех прочих. Не менее сложно и решение вопроса о возможности восполнения дефектов процессуальной формы доказательств посредством получения других доказательств. На наш взгляд, весьма категорично можно утверждать, что получение доказательства ненадлежащим субъектом или из ненадлежащего источника, либо путем производства следственного или судебного действия, не предусмотренного законом, всегда влечет признание доказательства недопустимым. А вот вопрос об исключении доказательства, при получении которого был нарушен порядок производства соответствующего процессуального действия, может решаться неоднозначно. При его решении важно учитывать, был ли нарушен принцип уважения чести и достоинства личности, возможно ли повторить следственное действие, послужившее способом получения доказательства. Наконец, в ч. 2 ст. 75 УПК законодатель прямо указывает две конкретные ситуации признания доказательства недопустимым.

Приведение российского уголовно-процессуального законодательства в соответствие с конституционными и международными правовыми нормами — это не только переход от инквизиционного процесса к состязательному, обеспечивающему равные права спорящих сторон в демократическом обществе, но и серьезный шаг в международное правовое сообщество, высшим арбитром которого является Европейский суд по правам человека. Такое изменение российского законодательства должно продолжаться с учетом множественных российских реалий, традиций отечественного судопроизводства и менталитета его участников. Однако при этом не надо забывать, что принцип состязательности имеет две далеко не совпадающие модели — континентальную и англосаксонскую.

Библиографический список

1. Гуценко К. Ф., Головкин Л. В., Филимонов Б. А. Уголовный процесс западных государств. Изд. 2-е, доп. и испр. М., 2002.
2. Курохтин Ю. А. Конституционно-правовое регулирование и реализация принципа состязательности судопроизводства в Российской Федерации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007.
3. Михайловская И. Б. Настольная книга судьи по доказыванию в уголовном процессе. М., 2008.
4. Петрухин И. Л. Теоретические основы реформы уголовного процесса в России. М., 2004. Ч. 1.
5. Резепкин А. М. Элементы состязательности в российском уголовном судопроизводстве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2005.
6. Смирнов А. В. Состязательный процесс. СПб., 2001.
7. Шестакова С. Д. Состязательность уголовного процесса. СПб., 2001.

ББК 67.404.3

И. Ю. Карлявин

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ В СИСТЕМЕ ОБЪЕКТОВ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

Es ist eine wunderbare, des Nachdenkes werthe Thatsache, dass jedes Menschen Wesen darnach angetan ist, ein tiefes Geheimnis und Rathsel fur jedes andere zu sein.

Zwei Stadte von Charles Dickens

Это есть поистине удивительный и наводящий на размышление факт, что сущность каждого человека в том и состоит, чтобы быть для любого другого тайной и загадкой.

Чарльз Диккенс. Два города

Понять место интеллектуальной собственности в системе объектов гражданских прав возможно лишь составив комплексное представление о факторах, влияющих на их квалификацию. Рассмотрим отдельные из данных

факторов. Обратимся для этого к трудам русских дореволюционных цивилистов. Профессор Ю. С. Гамбаров писал, что так называемые бестелесные объекты (фирмы, промышленные марки и тому подобные), вне всякого сомнения, входят в состав имущества, а значит, обнаруживают в себе необходимые качества объекта гражданских прав, а именно [1, с. 573—575]:

1) включаются в одну из известных противоположностей — или в предметы непосредственного чувственного восприятия, или в продукты, созданные путем представления или умозрения;

2) обнаруживают в себе свойства, позволяющие им находиться в «нашем обладании», если говорить о предметах чувственного восприятия. Причем эта способность находиться в обладании обусловлена состоянием человеческих знаний, хозяйства и других факторов исторической жизни;

3) являются оборотоспособными. Ю. С. Гамбаров пишет: «Существенными признаками вещи в юридическом смысле следует признать, сверх ее телесных свойств и имущественной ценности, также ее оборотоспособность и самостоятельность¹, причем и об этих свойствах вещи надо сказать, что они определяются не только юридическими нормами, но еще более — господствующими в каждый данный момент исторического развития воззрениями гражданского оборота». Вывод, который делает исследователь в этой части, тот, что «положение вещи не абсолютно и неизменно, а обусловлено, как и все право, культурными влияниями и нормами положительного законодательства».

Бестелесные вещи, по мнению профессора Ю. С. Гамбарова, не более чем фикция вещи, они, не обладая свойствами вещи, тем не менее, приравниваются к ней. Автор отмечает такое качество фиктивных вещей, как большую «раскованность». Эти объекты существуют в *относительной* независимости от вещей, причем постоянно возрастают в своем значении объекта права. Они — не что иное, «как духовные продукты нашей деятельности, которые, проявляясь вовне, получают известную самостоятельность и имущественную ценность, сообщающие им способность быть предметом права и юридической защиты — если не того же содержания, как защита телесных вещей, то в близкой к ней форме абсолютных исков, действующих против всех и каждого» [1, с. 577]. Ученый выделяет такие признаки результатов интеллектуальной деятельности, как: 1) их бестелесная природа и неразрывная связь с личностью, 2) фиктивный характер, 3) имущественная ценность, определение которой зависит от значения данных объектов для общества, и таким образом, она не всегда является однозначно определенной, 4) относительная независимость (самостоятельность) в отношении к телесным вещам, 5) абсолютная защита прав на такие объекты.

При этом автор активно выступает против попыток отождествить правовой режим результатов интеллектуальной деятельности с режимом *материальных вещей*, с одной стороны, и с правовым режимом таких объектов, как *права пользования*, — с другой.

Причина данной позиции ученого кроется в характере правопонимания, которого придерживается Ю. С. Гамбаров. Высказываясь о недопустимости представления объекта права как *права пользования*, Ю. С. Гамбаров пишет,

¹ Под самостоятельностью вещи автор понимает ее включенность или невключенность в состав какой-либо сложной вещи или в качестве служащей вещи.

что «раз мы считаем правом защиту интересов или защищенное общественной властью пользование различными благами, то предметом права могут быть только эти блага: пользование пользованием как личной прерогативой, а не объективно существующим благом не имело бы никакого смысла» [1, с. 577].

Вывод профессора таков, что результаты творческой деятельности относятся к группе нематериальных благ, тесно связанных с личностью, и подлежат охране со стороны государства. При этом, на наш взгляд, автор не дает окончательного ответа на вопрос о правовом режиме результатов интеллектуальной деятельности.

Несколько иные взгляды высказывали Н. М. Коркунов и Е. А. Нефедьев. Суть их сводится к тому, что если результаты интеллектуальной деятельности неразрывно связаны с личностью, то объективное право в первую очередь должно определить границы вмешательства или невмешательства других людей в сферу «собственных сил человека» [2, с. 214—215]. Е. А. Нефедьев отмечал, что «право на открытие и изобретение — есть прежде всего личное право (в смысле прав на пользование своими душевными и физическими силами). Но право в этом смысле можно назвать общим правом потому, что в нем нет определенного объекта: оно является скорее условием для приобретения индивидуально определенных прав. Правом в последнем смысле право изобретателя явится тогда, когда к общему праву на пользование своими умственными силами присоединится запрещение всем другим лицам пользоваться данной определенной мыслью» [4, с. 25]. То есть просматривается явный намек на систему привилегий, без которой реализация прав авторов не представляется возможной.

Завершил эту мысль Д. И. Мейер. Ученый отмечал, что в сфере интеллектуальной деятельности можно говорить о правах на чужие действия, а не о правах как объектах права. Если вести речь об исключительных правах, то под ними нужно понимать привилегии, которые, в свою очередь, могут подразделяться на виды — положительные и отрицательные, исключительные и неискключительные, возмездные и безвозмездные, личные и вещные, срочные и бессрочные и другие [3, с. 140].

Особого внимания заслуживает точка зрения, высказанная К. Победоносцевым. Исследователь отмечает, что человек стремится в течение своей жизни к полному развитию и реализации своих сил и способностей, «ищет удовлетворения органическим потребностям своей природы». На этом пути человек реализует свои творческие силы, создает объекты внешнего мира, которые именуются *имуществом*. Ученый пишет, что «эта внутренняя хозяйственная сила составляет личное благо человека, духовное его имущество, и служит вместе с тем источником для произведения вещественных ценностей, вещей, которые, получая относительно человека внешнее бытие, объективное значение, вместе с тем становятся, в юридическом смысле, его имуществом. Таким образом, личная сила объективируется, приобретает внешнее значение, материальную ценность, составляющую содержание положительного права требовать личного отношения в форме договора или обязательства» [5, с. 1—2]. В конечном счете ученый приходит к выводу, что юридическое отношение выстраивается в форме или вещного (по схеме «человек — вещь»), или обязательственного («человек — право требования»), все остальное, в том числе все, что связано с творческими возможностями и силами

до их реализации вовне, имеет только нравственное, а не юридическое содержание.

Сходного мнения придерживался Г. Ф. Шершеневич, который писал, что объект авторского права — это «продукт духовного творчества, облаченный в определенную форму и предназначенный к обращению в обществе» [7, с. 414].

Вопрос о том, как объяснить правовую связь личности автора с результатом собственного творческого труда и с тем, в чем объективируются результаты его творческой деятельности, являлся и является ключевым и одновременно одним из самых сложных в праве.

Развитие правовой мысли в сфере интеллектуальной собственности в России складывалось под сильным влиянием немецкой правовой доктрины и действующего в Германии законодательства. Вопрос, только что нами поставленный, решался в Германии в начале XX века. Несмотря на различные точки зрения, высказанные исследователями, превозобладал взгляд, что сама по себе связь автора (создателя) творческого продукта с этим продуктом расценивается как вещно-правовая с особенностями, присущими отношениям личного характера. По такому же пути следовало новое для начала XX века русское законодательство об авторском праве. Немецкий исследователь Герман фон Лутцан в своем комментарии русского авторского закона от 20 марта 1911 года писал, что Россия при создании данного нормативного акта столкнулась с такими же трудностями, что и Германия. Главная из них — существовавшие в правовой доктрине разногласия по вопросу, что представляет собой авторское право и как его классифицировать [8]. Большинство взглядов на данную проблематику было высказано немецкими современниками ученого.

Так, Отто фон Гирке считал, что основой деления гражданских прав еще со времен Древнего Рима следует признать представление об объекте. Традиционно различали следующие виды гражданских прав: права на собственную личность, права на вещи, права на действия других лиц (обязательственные права), права на других лиц (семейные права), наследственные права и корпоративные права. Авторские права как права на результаты творческой деятельности ученый относил к правам субъекта на собственную личность. Суть позиции ученого сводилась к тому, что объектом господства выступает собственная личность человека, который сам в рамках определенных границ устанавливает режим пользования своими внутренними возможностями. В силу права на собственную личность субъект является неприкосновенным относительно своего физического существования, свободы, чести, имени и других средств выражения своей индивидуальности. Одно из таких средств — возможность создавать продукт творческой деятельности.

Точка зрения Гирке нашла определенное количество сторонников среди немецких ученых. Его поддержал целый ряд профессоров — Блунчи, Нойштеттель, Хевтер. Они писали, что авторское право есть право личности, не больше и не меньше, и в соответствии с этим правом личность имеет возможность тиражировать результаты творческой деятельности, публиковать их, полностью располагать ими, исключая всех третьих лиц. Но гражданский оборот интересуется не только защита субъективного права, пусть и тесно связанного с личностью, а главным образом то, что с имущественной точки зрения включается в гражданский оборот и как это соотносится с личностью

автора. Из приведенного взгляда может следовать только то, что некое субъективное право приобретает имущественную ценность и само по себе становится предметом гражданско-правовых сделок.

Ряд других авторов — Бёмер, Пюттер, Йолен, Клостерман, Вэхтер и Ройлинг — понимали авторское право как некую «действительную собственность». Объектом права действительной собственности являются продукты духовного творчества (Geistprodukte). Хотя такая собственность и не обнаруживает в себе «нужного» вещественного субстрата (der notige Gegenstand), но право «духовной собственности» дает возможность правообладателю тиражировать интеллектуальную продукцию и получать выгоду от ее реализации.

Другой позиции придерживались Штоббе и Шпёндлин, которые отмечали, что авторское право есть новая составная часть права частной собственности, но в отличие от традиционного права частной собственности в нем не проявляется ни имущественное право, ни право личности. Эта идея оказалась созвучной взглядам Кёллера, который подчеркивал, что авторское право дает создателю результата творческой деятельности право на нематериальное благо (Immaterialguterrecht) (см.: [8, S. 4—5]).

Дореволюционное законодательство России ставило право интеллектуальной собственности наряду с правом собственности, однако окончательного закрепления такого положения вещей так и не произошло [9].

Современное гражданское право России в сфере интеллектуальной собственности выстраивается в соответствии с иными замыслами, чем дореволюционное русское право, однако отголоски немецкой правовой мысли все же явно прослеживаются, и перед нами вновь предстают тени, давно ушедших и казалось уже никак не способных повлиять на гражданское право России немецких философско-правовых концепций.

В ст. 128 ГК РФ результаты интеллектуальной деятельности занимают предпоследнее место в перечне объектов гражданских прав. Законодатель говорит тем самым, что результаты интеллектуальной деятельности не являются ни вещами, ни нематериальными благами. Они представляют нечто иное, требующее специфического, ярко выраженного правового режима.

Во-первых, это охраняемые объекты, что означает особое внимание со стороны государства к ним. Во-вторых, результаты интеллектуальной деятельности наряду с приравненными к ним средствами индивидуализации (юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий) именуется интеллектуальной собственностью. Данные понятия теперь рассматриваются как тождественные (ст. 128, 1225 ГК РФ). Словосочетание *интеллектуальная собственность* подразумевает в заданном контексте не право интеллектуальной собственности, а некие специфические отношения, именуемые *интеллектуальной собственностью*. Правильно говорить о правоотношениях, возникающих по поводу интеллектуальной собственности или по поводу результатов интеллектуальной деятельности. Указывая на правоотношения, возникающие по поводу интеллектуальной собственности, законодатель в п. 4 ст. 129 ГК РФ отмечает, что сами результаты интеллектуальной деятельности (интеллектуальная собственность) неотчуждаемы, то есть не могут быть предметом сделок, связанных с передачей права собственности (купля-продажа, дарение, мена, рента и др.). Кроме того, результаты интеллектуальной деятельности не могут и иными способами переходить от одного лица к другому. Это означает, что их нельзя передавать в пользование. Одним из объяс-

нений этому положению может служить то, что результаты интеллектуальной деятельности неотделимы от личности их носителя. Другим — то, что в силу прямого указания закона речь идет об объектах, изъятых из оборота. Последнее объяснение — то, что интеллектуальная собственность является некой абстрактной правовой конструкцией, состоящей из различных самостоятельных объектов, которые не могут существовать вне взаимосвязи с результатом интеллектуальной деятельности.

Однако при анализе изложенного возникает вопрос: каким образом происходит индивидуализация результатов интеллектуальной деятельности как объектов гражданских прав? Возможно, на это указывает термин *охраняемые*. То есть автор результата интеллектуальной деятельности для того, чтобы индивидуализировать принадлежащую ему интеллектуальную собственность, должен вступить в отношения по ее охране с определенными государственными органами, и только после этого обладатель такой собственности может рассматриваться как участник гражданского оборота, складывающегося в данной сфере.

В итоге надо понимать, что результат интеллектуальной деятельности будет достигать своей индивидуализации и идентификации в качестве объекта гражданских прав в рамках правового режима охраны и *включения в оборот объектов, составляющих данный результат и зависящих от него*. Но это не вносит ясности в вопрос, касающийся идентификации результата интеллектуальной деятельности (интеллектуальная собственность) как объекта права. Какой бы ни была связь данного объекта с другими, пусть производными объектами, а главное с субъектами права, она, по нашему мнению, должна быть четко определена. Это определение невозможно без выявления отличительных признаков самого результата творческой деятельности как объекта права.

В правовой доктрине встречаются попытки квалификации результатов творческой деятельности как объектов права. Так, О. А. Рузакова, причисляя результаты интеллектуальной деятельности к так называемым идеальным объектам, выделяет их отличительные признаки. Она пишет, что идеальный объект может быть выражен в объективной форме; не зависим от материальных вещей; не имеет износа, а лишь устаревает морально; не может прекратить физическое существование в связи с уничтожением, повреждением и т. п.; создается в результате интеллектуальной (творческой, духовной) или аналогичной (производной от нее) деятельности (без создания материальных ценностей); связан с фигурой правообладателя (не может быть бесхозным как вещь, но может быть признан общественным достоянием, утратить охраноспособные признаки); не поддается измерениям с помощью материально-правовых категорий (количество, вес, ассортимент и др.); может быть доступен неограниченному кругу лиц; как правило, имеет имущественную ценность; имеет оборотоспособность (но может быть ограничен в гражданском обороте — например, секретные изобретения), в большинстве случаев может быть вовлечен в гражданский оборот, в том числе с помощью договорных отношений [6, с. 26—27].

Указанные О. А. Рузаковой признаки не нашли отражения и развития в действующем законодательстве. Законодатель уходит от вопроса квалификации результата интеллектуальной деятельности. Можно предположить, что мотив такого поведения кроется в представлении о том, что сам по себе ре-

зультат интеллектуальной деятельности, принадлежащий личности автора, просто не может быть охарактеризован с достаточной степенью определенности. Вместе с тем предлагается взгляд на интеллектуальную собственность как на нечто способное порождать права, с одной стороны, и материальные носители — с другой. После утверждения о том, что результаты интеллектуальной деятельности как бы изъяты из гражданского оборота², законодатель говорит о том, что «права на такие результаты и средства, а также материальные носители, в которых выражены соответствующие результаты или средства, могут отчуждаться и иным образом переходить от одного лица к другому в случаях и в порядке, которые установлены настоящим кодексом» (п. 4 ст. 129 ГК РФ). Получается, что объектами гражданского оборота в полном смысле слова выступают не сами результаты интеллектуальной деятельности, а права на такие результаты и материальные носители. Это сравнимо с высказыванием, что объектом оборота являются не вещи, а права на вещи. Такая ситуация возможна, в частности, когда речь идет о товарораспорядительных ценных бумагах.

В этой связи, на наш взгляд, наблюдается некая логическая незавершенность, или, по крайней мере, можно поставить вопрос о том, насколько различен правовой режим системы прав на результаты интеллектуальной деятельности? Результаты интеллектуальной деятельности различны по своей сути. Среди них выделяют *непосредственно результаты интеллектуальной деятельности*, к которым относят: 1) произведения литературы, науки и искусства (ст. 1259 ГК), 2) программы для электронных вычислительных машин (ст. 1261 ГК), 3) базы данных (как приравненные к объектам авторского права) (ст. 1261 ГК), 4) исполнения (ст. 1304 ГК), 5) изобретения (ст. 1349 ГК), 6) полезные модели (ст. 1349 ГК), 7) промышленные образцы (ст. 1349 ГК), 8) селекционные достижения (ст. 1412 ГК), 9) топологии интегральных микросхем (ст. 1448 ГК), 10) секреты производства (ст. 1465 ГК).

Кроме того, различают *приравненные по своему правовому режиму к результатам интеллектуальной деятельности средства индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий, которым предоставляется правовая охрана*. К ним относятся: 1) фирменные наименования (ст. 1473 ГК), 2) товарные знаки и знаки обслуживания (ст. 1477 ГК), 3) наименования мест происхождения товаров (ст. 1516 ГК), 4) коммерческие обозначения (ст. 1538 ГК).

Выделяют так называемые *другие объекты*, созданные в результате деятельности, приравненной к интеллектуальной. Ими являются: 1) базы данных (ст. 1304 ГК), 2) фонограммы (ст. 1304 ГК), 3) сообщения в эфир или по кабелю радио- или телепередач (ст. 1304 ГК).

Как правило, объекты интеллектуальной собственности, соответственно и все, перечисленные в ст. 1225 ГК, подразделяют на объекты авторского права (произведения науки, литературы и искусства, программы для ЭВМ и базы данных); объекты смежных прав (фонограммы, исполнения, постановки, сообщения в эфир или по кабелю радио- или телепередач, базы данных); объекты патентных прав (изобретения, полезные модели и промышленные об-

² Само по себе изъятие из оборота результатов интеллектуальной деятельности и является, по нашему мнению, основанием невыделения их признаков, поскольку это, по логике вещей, не повлияет на правовой режим данных объектов.

разцы); средства индивидуализации предпринимателей, продукции, работ и услуг (фирменные наименования, товарные знаки, знаки обслуживания, наименования мест происхождения товаров, коммерческие обозначения), а также нетрадиционные объекты интеллектуальной собственности (селекционные достижения, топологии интегральных микросхем, ноу-хау) [2, с. 27—28]. Полагаем, что правовой режим указанных в ст. 1225 ГК объектов все же различен и это отдельное довольно интересное направление исследования.

Тем не менее проследим до конца логику законодателя, касающуюся таких объектов оборота, как права на результаты интеллектуальной деятельности.

Формулируя вышеприведенное положение п. 4 ст. 129 ГК РФ, законодатель говорит: 1) в отношении результатов интеллектуальной деятельности возможно не какое-либо одно право, а несколько, то есть выстраивается целая система прав, 2) некоторые права *могут* отчуждаться, то есть выступать в качестве объектов гражданского оборота.

Действительно, в соответствии со ст. 1226 ГК РФ на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации устанавливаются так называемые *интеллектуальные права*³. Интеллектуальные права, в свою очередь, могут включать в себя 1) исключительное право, являющееся имущественным правом, а в случаях, предусмотренных настоящим кодексом, также 2) личные неимущественные права и 3) иные права (право следования, право доступа и другие). Объединяет эти права то, что они возникают в результате интеллектуальной деятельности и по поводу ее результатов, кроме того, они *признаются*, то есть в определенном, установленном законом порядке происходит подтверждение факта их возникновения. Надо полагать, что это связано с фактом создания самого результата интеллектуальной деятельности или с фактом государственной регистрации права. Наконец, можно предположить, что сходные черты наблюдаются относительно способов защиты этих прав как прав абсолютных.

Первое место в данной системе занимают исключительные права. Законодатель подчеркивает, что эти права носят имущественный характер, то есть представляют наибольшую и непреложную ценность с точки зрения гражданского оборота.

Посмотрим, как складывается правовой режим исключительных прав.

Во-первых, исключительные права являются имущественными правами (ст. 1226 ГК РФ). Это означает прежде всего что мы имеем дело с объектами, указанными в ст. 128 ГК РФ, но которым присуща специфика, предусмотренная частью четвертой ГК РФ.

Во-вторых, исключительное право, как и другие интеллектуальные права, не зависит от права собственности на материальный носитель (вещь), в котором выражены соответствующие результаты интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации (п. 1 ст. 1227 ГК РФ). Это означает, что возникновение, изменение и прекращение исключительного права происходит вне зависимости от возникновения, изменения и прекращения права собственности (надо полагать и иных вещных прав) на материальный носитель. Данное правило сформулировано как императивное. Из него выте-

³ Термин *интеллектуальные права* является новым для ГК РФ и введен как системаобразующий.

кает положение п. 2 ст. 1227 ГК РФ о том, что переход права собственности на вещь не влечет перехода или предоставления интеллектуальных прав на результат интеллектуальной деятельности или на средство индивидуализации, выраженное в этой вещи. В качестве исключения предлагается лишь один случай, предусмотренный п. 2 ст. 1291 ГК РФ. Здесь говорится о том, что если лицо не является автором оригинала произведения, но в то же время имеет право собственности на него, отчуждает его (оригинал произведения), то исключительное право на произведение переходит к приобретателю оригинала, если иное не предусмотрено договором. Кроме того, в п. 1 ст. 1291 ГК также говорится об отчуждении оригинала произведения (рукописи, оригинала произведения живописи, скульптуры и тому подобного), но при этом устанавливается диспозитивный режим связи исключительного права с правом собственности на вещь.

Таким образом, законодатель, по крайней мере, допускает возможность совместного оборота исключительных прав и материальных носителей результатов творческой деятельности.

В-третьих, содержание исключительного права начинает раскрываться в п. 1 ст. 1229 ГК РФ. Из данного пункта вытекает, что лицо, обладающее исключительным правом на результат интеллектуальной деятельности или на средство индивидуализации, «вправе использовать такой результат или такое средство по своему усмотрению любым не противоречащим закону способом». В этой части мы видим, как минимум, недосказанность. Как использовать результат интеллектуальной деятельности, если он неотчуждаем и непередаваем? Как лицу, не являющемуся автором, воспользоваться данным законом правом, если результат интеллектуальной деятельности находится в неразрывной связи с личностью автора?

Ответ, на наш взгляд, складывается из положений ст. 1228, 1229 и 1233 ГК РФ. Из содержания п. 2 ст. 1228 ГК РФ следует, что в неразрывной связи с личностью автора находится право авторства, право на имя и иные личные неимущественные права. Можем предположить, что связь (зависимость) самого результата творческой деятельности с личностью автора *относительна*.

Исключительное право на результат творческой деятельности, созданный творческим трудом, первоначально возникает у автора — так указано в п. 3 ст. 1228 ГК РФ. Законодатель употребляет термин *созданный*, но оставляет вновь без ответа вопрос, в какой реальности созданный, в чувственной или умозрительной? Можно предположить и тот и другой вариант. Далее следует: «Это право может быть передано автором другому лицу по договору, а также может перейти к другим лицам по иным основаниям, предусмотренным законом» (п. 3 ст. 1228 ГК РФ).

В ст. 1229 ГК РФ речь идет о содержании исключительного права. В данной норме начинается разговор о возможных обладателях этого права. Таковыми могут быть как граждане, так и юридические лица. В силу имеющегося исключительного права, правообладатели получают возможность использовать результат творческой деятельности или иное средство индивидуализации по своему усмотрению любым не противоречащим закону способом. Из данной формулировки видно, что исключительное право не является относительным, не сконструировано как обязательно-правовое, а направлено на извлечение полезных свойств из определенного объекта, что

сильно напоминает вещно-правовую конструкцию. Дальнейшее содержание п. 1 ст. 1229 ГК РФ подтверждает абсолютно-правовую конструкцию исключительного права. В абзаце 2 п. 1 ст. 1229 ГК говорится, что правообладатель по своему усмотрению разрешает или запрещает другим лицам использовать результат интеллектуальной деятельности.

Наряду с этим правообладатель имеет право распорядиться и самим исключительным правом, если ГК РФ не предусмотрено иного.

Следующая специфическая черта, которую хочет подчеркнуть законодатель, это то, что предложенная конструкция исключительного права на результат интеллектуальной деятельности по своей сути является субъективным правом. Интересно отметить, что законодатель допускает *обладание* исключительным правом на результат интеллектуальной деятельности и *его принадлежность* как одному лицу, так и нескольким лицам. Причем и единоличное обладание, и совместное конструируются по типу права частной собственности. Во-первых, используется привычная для отношений собственности терминология *обладание, принадлежит, доходы от совместного использования*. Во-вторых, говорится о том, что использованию подлежит сам результат интеллектуальной деятельности. Доходы от такого использования распределяются между правообладателями поровну, если соглашением между ними не предусмотрено иного (абзац 2 п. 3 ст. 1229 ГК РФ). Наконец, правообладатели могут распорядиться принадлежащим им исключительным правом, то есть совершить сделки, допустимые для объекта подобного рода.

В итоге получается представление о таком специфическом и *многогранном* объекте, как субъективное право, имеющее имущественную ценность постольку, поскольку оно предполагает 1) возможность использовать результат интеллектуальной деятельности, 2) возможность правообладателя распорядиться самим этим правом. Данная взаимосвязь и составляет ценность исключительного права на результат интеллектуальной деятельности как объекта права, а значит, она должна быть довольно устойчивой. Тем не менее очевидно, что выстраивается как бы обратная взаимосвязь, в сравнении с привычной для нас, когда материальные объекты во многом определяют субъективные права.

Библиографический список

1. *Гамбаров Ю. С.* Курс гражданского права. СПб., 1911. Т. 1, ч. общ.
2. *Коркунов Н. М.* Лекции по общей теории права. СПб., 1898.
3. *Мейер Д. И.* Русское гражданское право: В 2 ч. М., 1997. Ч. 1.
4. *Нефедьев Е. А.* Торговое право. М., 1900.
5. *Победоносцев К.* Курс гражданского права. СПб., 1896. Ч. 1. Вотчинные права.
6. *Рузакова О. А.* Комментарий к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации. М., 2007.
7. *Шершеневич Г. Ф.* Учебник русского гражданского права. М., 1912.
8. *Lutzan H.* Das neue russische Autor Gesetz vom 20. Marz. 1911. Riga, 1912.
9. *Seeler W.* Der Entwurf des Russischen Zivilgesetzbuches Dargestellt und Besprochen. Berlin, 1911.

ББК 67.401

О. Ю. Таибова

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ В СФЕРЕ МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ: АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Следует отметить, что современная ситуация в мире характеризуется масштабностью миграционных процессов. Россия активно включена в динамику миграции народонаселения.

В целях полного раскрытия механизма государственного управления в сфере миграции населения необходим анализ основных институциональных структур — органов государственной власти Российской Федерации, действующих в сфере регулирования миграционных процессов.

За последнее десятилетие система органов исполнительной власти в сфере миграции подвергалась неоднократным изменениям в целях определения их рациональной структуры, повышения роли в процессе реформирования государственной власти. Органы власти не только осуществляют нормативное правовое регулирование миграционных отношений, но и реализуют значительный объем исполнительно-распорядительных полномочий, связанных с контролем и надзором над процессами перемещения людей, над предоставлением им различных государственных услуг.

Конституция РФ прямо не называет миграционные процессы в качестве предмета ведения ни Российской Федерации, ни Российской Федерации и ее субъектов; не относит их и к вопросам местного значения. Это, однако, не означает, что, исходя из положений ст. 73 Конституции РФ, миграционные отношения находятся в ведении субъектов РФ.

Природа миграционных отношений, на которые направлена регулятивно-управленческая функция государства, связана прежде всего с правами каждого человека, законно находящегося на территории Российской Федерации, на свободу передвижения, выбор места жительства и места пребывания на территории Российской Федерации, на свободный выезд из страны, а для российских граждан — на беспрепятственное возвращение в Российскую Федерацию.

Соответственно, в компетенции государственных органов находятся вопросы регулирования прав и свобод человека и гражданина, гражданства России, внешней политики и международных отношений, безопасности государства, т. е. те вопросы, которые относятся к ведению Российской Федерации.

В то же время миграционные отношения складываются и в связи с обеспечением и защитой прав мигрантов, соблюдением мигрантами правопорядка. Регулирование миграционных отношений осуществляется с учетом интересов общественной безопасности. А эти вопросы согласно ч. 2 ст. 72 Конституции РФ относятся к совместному ведению Российской Федерации и ее субъектов, что подразумевает возможность участия последних в реализации соответствующих полномочий.

Указанные конституционные нормы, таким образом, только разграничивают предметы ведения, но не дают ответа об объеме полномочий, закрепляемых за органами Российской Федерации, субъектов РФ и муниципальных образований. Однако следует отметить, что положения Конституции РФ позволяют, прежде всего федеральному законодателю, осуществить их распределение наиболее рациональным образом. Именно и только в форме федерального закона конституционные предметы ведения должны трансформироваться в конкретные полномочия конкретного уровня публичной власти и конкретного органа. Это является ключевым вопросом федерализма, основой и условием нормального функционирования органов власти и принципом разграничения полномочий в сфере миграции населения [11, с. 42, 43].

Как уже было отмечено, нормативное правовое регулирование миграции постоянно развивается, реформируется система федеральных органов исполнительной власти, осуществляющих государственное регулирование в сфере миграции. В эту систему входят Правительство РФ, Министерство внутренних дел РФ, Федеральная миграционная служба России. Указанные федеральные органы в той или иной мере реализуют свою деятельность путем взаимодействия с иными федеральными органами исполнительной власти, например с Министерством иностранных дел РФ, Федеральной службой безопасности РФ, Федеральной таможенной службой РФ и многими другими.

На федеральном уровне помимо Федерального Собрания РФ, издающего законы в области регулирования миграционных отношений, и Правительства РФ непосредственное участие в регулировании миграционных процессов принимает и Президент РФ. Президент РФ в соответствии с Конституцией РФ, являясь главой государства, наделен широкими полномочиями в сфере исполнительной власти. Он формирует систему органов исполнительной власти и может оказывать влияние на их деятельность.

Нельзя не согласиться с тем, что в настоящее время компетенция федеральных органов исполнительной власти представляет наибольший исследовательский интерес в рассматриваемой сфере. Эти органы своей деятельностью непосредственно реализуют механизм государственного управления.

Исполнительную власть в РФ возглавляет Правительство РФ. Правительству РФ отведена особая роль в управлении миграционными процессами в РФ.

С целью осуществления единой государственной миграционной политики Правительство РФ обеспечивает согласованное взаимодействие федеральных органов исполнительной власти по регулированию миграционных процессов; определяет приоритеты в вопросах внутренней и внешней миграции с учетом изменений в развитии этих процессов в РФ и в иностранных государствах; утверждает федеральные целевые программы, концепции регулирования миграционных процессов, заключает межправительственные соглашения по вопросам миграции; заслушивает представителей федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов РФ о работе по выполнению возложенных на эти органы обязанностей. Регулятивно-управленческие полномочия Правительства РФ как высшего органа исполнительной власти выражаются прежде всего в определении общей стратегии и основных направлений деятельности в рассматриваемой сфере отношений. В целях регулирования миграционных процессов Правительство РФ обеспечивает взаимодействие на межправительственном уровне с иностран-

ными государствами, а также поддерживает контакты с международными организациями. Правительство РФ широко развивает международное сотрудничество по вопросам миграции населения, прежде всего в рамках государств, с которыми Россия заключила соглашения о безвизовых поездках граждан, по проблемам противодействия незаконной миграции; по вопросам возврата и приема незаконных мигрантов (реадмиссии); по координации деятельности компетентных органов сопредельных государств по выявлению и перекрытию каналов незаконной миграции; по пресечению деятельности трансграничных группировок, связанной с торговлей людьми, контрабандой, наркобизнесом и другими противоправными действиями.

Нормотворческая деятельность Правительства РФ в сфере миграции направлена на реализацию положений федеральных законов, а также указов Президента РФ и выражается в определении порядка получения статуса мигранта; конкретизации статуса мигранта, пределов осуществления мигрантами отдельных прав и исполнения обязанностей; установлении порядка оказания мигрантам социальной помощи; регулировании элементов миграционного контроля; определении организационных аспектов функционирования органов исполнительной власти в сфере миграции населения; утверждении форм документов, необходимых в системе миграционного контроля.

Необходимо отметить, что между государственными органами, обладающими полномочиями в сфере миграции населения, имеются существенные различия как по месту и роли в системе государственных органов, компетенции, так и по функциональным свойствам.

Действующее законодательство, отражающее результаты административной реформы, закрепляет функциональное различие федеральных органов исполнительной власти, что предполагает соответствующий комплекс полномочий и механизм взаимодействия между органами с целью исполнения данных полномочий.

Федеральные министерства осуществляют функции по выработке государственной миграционной политики и ее нормативно-правовому регулированию. На федеральные службы возложен контроль и надзор в данной сфере деятельности, а также специальные функции в области государственной безопасности, защиты и охраны государственной границы РФ, борьбы с преступностью, общественной безопасности. Функции по оказанию государственных услуг в сфере миграции населения, по управлению соответствующим государственным имуществом и правоприменительные функции, за исключением функций по контролю и надзору, должны осуществлять федеральные агентства.

На практике идеального разделения органов по их функциям не существует; поэтому, например, и федеральные министерства, и федеральные службы оказывают государственные услуги в сфере миграции населения, а федеральные министерства реализуют функции по контролю и надзору и иные правоприменительные функции.

Министерство внутренних дел РФ, в чьем ведении находится Федеральная миграционная служба, устанавливает ежегодный план и основные показатели деятельности Федеральной миграционной службы, рассматривает доклад о результатах ее деятельности, предложения о заключении международных договоров РФ и соглашений, проекты нормативных правовых актов в установленной сфере деятельности, осуществляет функции по выработке

государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере миграции; при этом оно формирует на основе анализа и прогноза состояния миграционных процессов основные направления государственной политики в указанной сфере деятельности.

Еще одним органом, активно влияющим на формирование и реализацию государственной миграционной политики в стране, является Министерство иностранных дел, в полномочии которого, в частности, находятся вопросы содействия развитию связей и контактов с соотечественниками, проживающими за рубежом; оформление отдельной паспортно-визовой документации.

Основным федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим правоприменительные функции, а также функции по контролю, надзору и оказанию государственных услуг в сфере миграции, является Федеральная миграционная служба (ФМС) России. Статус миграционной службы в настоящее время определен в Положении о Федеральной миграционной службе [1].

К числу задач ФМС отнесены реализация общей стратегии государственной миграционной политики и совершенствование нормативно-правового регулирования в миграционной сфере. Закрепление подобного рода задач, безусловно, повышает роль ФМС в регулировании миграционных процессов, подчеркивает ее особое место в общей системе федеральных органов исполнительной власти, в том числе федеральных служб.

Положением о ФМС ей предоставлены достаточно широкие полномочия. Значительный объем таких полномочий связан с осуществлением миграционного учета иностранных граждан и лиц без гражданства на территории РФ.

Еще одна группа полномочий Миграционной службы связана с осуществлением паспортно-визовой деятельности — контролем и надзором за соблюдением иммиграционных правил иностранными гражданами и лицами без гражданства. ФМС оформляет приглашения иностранным гражданам и лицам без гражданства на въезд в РФ, а также ведет учет оформляющих приглашения юридических лиц. Помимо этого она в соответствии с законодательством РФ организует и осуществляет выдачу виз иностранным гражданам и лицам без гражданства на въезд в РФ.

Часть полномочий ФМС направлена на осуществление контроля и надзора в сфере внешней трудовой миграции. Так, ФМС в установленном порядке выдает разрешения на привлечение работодателями, заказчиками работ (услуг) иностранных работников в РФ и использование их труда, а также на работу иностранным гражданам и лицам без гражданства, принимает решения о выдаче лицензий на осуществление деятельности, связанной с трудоустройством граждан РФ за пределами РФ и др.

В сферу ведения ФМС входят и полномочия в области предотвращения и пресечения незаконной миграции. На ФМС возложены иммиграционный контроль в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства, проведение государственной дактилоскопической регистрации, производство по делам об административных правонарушениях в пределах установленной компетенции. Она принимает решения о нежелательности пребывания (проживания) иностранных граждан и лиц без гражданства в РФ, об установлении запрета на въезд иностранных граждан и лиц без гражданства, о депортации

иностранных граждан и лиц без гражданства (в том числе осуществляет сами меры по их депортации и административному выдворению за пределы РФ).

Наконец, следует выделить полномочия в области адаптации и интеграции вынужденных мигрантов. ФМС осуществляет прием и временное размещение лиц, ходатайствующих о предоставлении убежища либо о признании их беженцами, лиц, получивших статус беженца, оказывает беженцам содействие во временном обустройстве в РФ и др. Наибольший объем полномочий ФМС связан с контролем и надзором в сфере внешней трудовой миграции, а также с предотвращением и пресечением незаконной миграции [12, с. 65, 66].

При решении своих задач Миграционная служба тесно взаимодействует с другими федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов РФ, органами местного самоуправления, общественными объединениями и иными организациями.

Таким образом, ФМС как специализированный в сфере миграции орган исполнительной власти обладает весьма широкими полномочиями. Для организации своей деятельности она создает территориальные органы, а также иные организации и подразделения, входящие в ее систему.

Так, полномочия территориального органа ФМС России определены в Положении о нем, утвержденном Приказом МВД РФ от 2 декабря 2005 г. № 983 «Об утверждении Типового положения о территориальном органе Федеральной миграционной службы» [10]. Территориальный орган Федеральной миграционной службы создается для осуществления правоприменительной функции, функции по контролю, надзору и оказанию государственных услуг в сфере миграции, а также реализации отдельных установленных законодательными и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации задач и функций Федеральной миграционной службы. Это государственный орган, который находится в подчинении ФМС России и контроль за деятельностью которого осуществляет также ФМС России.

Основными задачами территориального органа являются: производство по делам о гражданстве Российской Федерации, оформление и выдача основных документов, удостоверяющих личность гражданина Российской Федерации; осуществление регистрационного учета граждан Российской Федерации по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации и контроля за соблюдением гражданами и должностными лицами правил регистрации и снятия с регистрационного учета граждан Российской Федерации; оформление и выдача иностранным гражданам и лицам без гражданства документов для въезда в Российскую Федерацию, проживания и временного пребывания в Российской Федерации; осуществление контроля за соблюдением иностранными гражданами и лицами без гражданства установленных правил проживания и временного пребывания в Российской Федерации; реализация во взаимодействии с другими территориальными органами федеральных органов исполнительной власти мер по предупреждению и пресечению незаконной миграции; исполнение законодательства Российской Федерации по вопросам беженцев и вынужденных переселенцев, участие в установленном порядке в предоставлении политического убежища иностранным гражданам и лицам без гражданства; осуществление в соответствии с законодательством Российской Федерации контроля и надзора в сфере внешней трудовой миграции, привлечения иностранных работников в Российскую

Федерацию и трудоустройства граждан Российской Федерации за пределами Российской Федерации.

Территориальный орган осуществляет свою деятельность в сфере миграции на территории одного или нескольких субъектов РФ. Территория осуществления полномочий устанавливается в Положении о территориальном органе.

Положение о территориальном органе, структура, штатное расписание, численность территориального органа, фонд оплаты труда, а также смета доходов и расходов на содержание сотрудников органов внутренних дел, федеральных государственных гражданских служащих и работников ФМС России в пределах ассигнований, предусмотренных в федеральном бюджете на эти цели, утверждаются директором ФМС России.

Территориальный орган имеет структурные подразделения, включая посты иммиграционного контроля в пунктах пропуска через государственную границу Российской Федерации.

Территориальный орган осуществляет свою деятельность во взаимодействии с другими территориальными органами федеральных органов исполнительной власти. При решении совместных задач территориальный орган обеспечивает необходимое взаимодействие с органами исполнительной власти субъекта Российской Федерации, органами местного самоуправления, общественными объединениями и иными организациями.

Для осуществления своих полномочий территориальный орган имеет право участвовать в установленном порядке в информационном обмене с ФМС России, МВД России и их территориальными органами; запрашивать и получать в установленном порядке от территориальных органов федеральных органов исполнительной власти, органов государственной власти субъекта Российской Федерации, органов местного самоуправления и иных организаций документы, справочные материалы и другую информацию, необходимую для принятия решений по вопросам сферы деятельности территориального органа; подготавливать и направлять в органы государственной власти субъекта РФ, в органы местного самоуправления, а также в иные организации информацию о недостатках, выявленных при проведении мероприятий по контролю за соблюдением миграционного законодательства; заключать гражданско-правовые договоры; выступать в качестве заказчика по капитальному строительству, реконструкции, капитальному и текущему ремонту объектов территориального органа; взаимодействовать в установленном порядке со средствами массовой информации по направлениям деятельности территориального органа.

В единую систему ФМС России входит, как уже было отмечено, служба иммиграционного контроля на государственной границе Российской Федерации. В частности, эта служба занимается вопросами размещения вынужденных мигрантов на территории России, строительства пунктов приема и временного размещения мигрантов и их обустройства. В ведение Федеральной миграционной службы России переданы организации Министерства внутренних дел РФ [2]. Это такие государственные учреждения, как Центры временного размещения вынужденных переселенцев, Центры временного размещения иммигрантов, Центры медико-психологической реабилитации, базы материально-технических ресурсов, Учебно-методический центр, Пункты первичного приема мигрантов. Указанные государственные учреждения

можно отнести к учреждениям, которые необходимы для реализации функций, касающихся сферы контроля над вынужденной миграцией.

Таким образом, как мы видим, существует множество учреждений, через которые ФМС России реализует свои функции. Однако система таких учреждений отсутствует, нет единого четкого распределения полномочий между ними.

Необходимо также более подробно остановиться на вопросе взаимодействия МВД России и ФМС России. В целях реализации Постановления Правительства РФ от 19 января 2005 г. № 30 «О Типовом регламенте взаимодействия федеральных органов исполнительной власти» [7] Приказом МВД РФ от 28 февраля 2005 г. № 132 утвержден регламент взаимодействия МВД России с федеральными органами исполнительной власти [9].

МВД при осуществлении взаимодействия с ФМС доводит поручения, содержащиеся в актах Правительства РФ, протоколах заседаний Правительства РФ, координационных и совещательных органов, возглавляемых Председателем Правительства РФ или заместителем Председателя Правительства РФ, а также поручения Председателя Правительства РФ и заместителя Председателя Правительства РФ, содержащиеся в протоколах проведенных ими совещаний и в резолюциях; проводит координационные и иные совещания с руководителями (представителями) ФМС России, организует рассмотрение наиболее важных вопросов их деятельности; организует плановые проверки деятельности ФМС России, а также проверки по жалобам граждан и организаций на действия (бездействие) и решения ФМС России и ее должностных лиц; организует методическое руководство в области кадрового обеспечения и финансово-экономической деятельности ФМС России; участвует в формировании и реализации государственной политики в области финансового обеспечения ФМС России, разработке федеральных целевых программ в сфере миграции; обобщает и контролирует деятельность ФМС России по вопросам бюджетной, налоговой политики, бухгалтерского учета и отчетности, а также оплаты труда и предоставления социальных гарантий.

ФМС России до завершения формирования ее территориальных органов передает МВД России в установленном порядке ассигнования на содержание подразделений по делам миграции министерств внутренних дел, главных управлений внутренних дел, управлений внутренних дел субъектов РФ и паспортно-визовых подразделений, а также на проведение мероприятий по реализации миграционной политики указанными подразделениями; в согласованные сроки представляет в МВД России распределение ассигнований по МВД, ГУВД, УВД субъектов Российской Федерации для доведения лимитов бюджетных обязательств и объемов финансирования на соответствующие цели; запрашивает и получает в установленном порядке от МВД, ГУВД, УВД субъектов Российской Федерации сведения, необходимые для принятия решений по вопросам, относящимся к установленной ФМС России сфере деятельности; осуществляет функции главного распорядителя средств федерального бюджета, предусмотренных на содержание ФМС России и реализацию возложенных на нее функций, а также средств, поступающих в соответствии с законодательством Российской Федерации из иных источников финансирования.

При осуществлении МВД России полномочий по координации и контролю деятельности ФМС России к функциям министра относятся:

- утверждение ежегодного плана и показателей деятельности ФМС России, а также отчета об их исполнении;
- внесение в Министерство финансов РФ предложений по формированию федерального бюджета и финансированию ФМС России;
- во исполнение поручения Президента РФ и Правительства РФ дача ФМС России поручений по вопросам, отнесенным к ее компетенции, устранению нарушений, выявленных в процессе контроля и координации деятельности ФМС России, осуществление контроля за их выполнением;
- отмена противоречащих федеральному законодательству решений ФМС России, если иной порядок отмены решения не установлен федеральным законом;
- внесение Президенту РФ представлений о назначении на должность и освобождении от должности заместителей директора ФМС России из числа лиц высшего начальствующего состава органов внутренних дел; о присвоении специальных званий высшего начальствующего состава органов внутренних дел сотрудникам ФМС России; о награждении государственными наградами Российской Федерации сотрудников, федеральных государственных служащих и работников ФМС России, а также об объявлении им благодарности Президента РФ;
- внесение в Правительство РФ для последующего представления Президенту РФ предложений о предельной штатной численности и фонде оплаты труда сотрудников, федеральных государственных служащих и работников ФМС России по представлению директора ФМС России;
- внесение в Правительство РФ проектов нормативных правовых актов, относящихся к установленной сфере деятельности ФМС России, если принятие таких актов относится в соответствии с Конституцией РФ, федеральными конституционными законами, федеральными законами к компетенции Правительства РФ; представлений об объявлении благодарности Правительства РФ сотрудникам, федеральным государственным служащим и работникам ФМС России;
- принятие решений о премировании, установлении надбавок к должностным окладам и об оказании материальной помощи руководителям ФМС России;
- назначение на должность и освобождение от должности по представлению директора ФМС России руководителей ее территориальных органов;
- согласование проектов регламентов ФМС России.

ФМС России представляет в МВД России: 1) проект федерального бюджета на очередной финансовый год по расходам ФМС России в сроки, устанавливаемые МВД России; 2) копии бухгалтерской, статистической и оперативной отчетности об исполнении федерального бюджета по расходам ФМС России в объеме и в сроки, устанавливаемые Министерством финансов РФ и МВД РФ; 3) проект плана и показатели своей деятельности на планируемый период, а также доклад о результатах выполнения планов за предшествующий период; 4) перечень принятых нормативных правовых актов РФ и правовых актов по направлениям деятельности в сроки, установленные МВД России.

Следует обратить внимание на то, что надзорная деятельность Федеральной миграционной службы России на современном этапе является сложной и многогранной. Ее реализация в полной мере зависит от компетенции

ФМС в сфере обеспечения миграционной безопасности. На наш взгляд, основные усилия ФМС должны быть сконцентрированы на выполнении надзорных функций. Освобождение ФМС России от несвойственных службам функций по оказанию государственных услуг непременно повысит эффективность административного надзора в миграционной сфере и обеспечит миграционную безопасность Российской Федерации на должном уровне.

Также следует согласиться с Т. Я. Хабриевой, которая полагает, что в целях оптимизации государственного управления в сфере миграции населения целесообразно расширить полномочия Федеральной миграционной службы России в связи с возложением на этот орган задач по реализации государственной миграционной политики, координации деятельности федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов РФ, а также по нормативно-правовому регулированию миграционных отношений, что позволит оперативно и динамично реагировать на изменение миграционной обстановки в стране, устранить излишние бюрократические процедуры, ускорить принятие отдельных решений, повысить ответственность данного органа за реализацию государственной миграционной политики в стране [11]. Кроме того, необходимо продолжить подробную процедурную детализацию полномочий органов исполнительной власти в административных регламентах, их перечень следует расширять, учитывая значительный объем административных процедур, применяемых для регулирования данной сферы отношений. Это позволит обеспечить более полную прозрачность реализации полномочий в сфере миграции населения.

Важно отметить, что неразграниченность полномочий, как регулятивных, так и исполнительно-распорядительных, между органами власти различных уровней, допущенная законодателем при принятии специальных законов в области миграции (Федеральный закон от 19 февраля 1993 г. № 4528-I «О беженцах» [3], Закон РФ от 19 февраля 1993 г. № 4530-I «О вынужденных переселенцах» [5]), негативно отразилась в первую очередь на положении самих мигрантов, возможностях их безболезненной интеграции в социально-экономическую и демографическую среду на конкретной территории.

Федеральный закон от 06.10.1999 г. № 184 «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» [8] допускает возможность наделения органов государственной власти субъектов РФ федеральными полномочиями с передачей соответствующих субвенций на их осуществление из федерального бюджета. В качестве таких полномочий могут выступать и полномочия в сфере миграции населения.

Другую группу составляют «собственные» полномочия органов государственной власти субъектов РФ, исполняемые за счет средств их бюджетов (за исключением финансовых средств, передаваемых из федерального бюджета бюджету субъекта РФ на осуществление целевых расходов).

Органы государственной власти субъектов Российской Федерации вправе осуществлять полномочия в сфере регулирования миграции населения в том случае, если они включены федеральным законодателем в перечень полномочий органов государственной власти субъектов РФ, осуществляемых данными органами самостоятельно за счет средств бюджетов субъектов Федерации; указанные полномочия являются федеральными и делегированы Российской Федерацией с передачей соответствующих финансовых ресурсов

за счет средств из федерального бюджета; такие полномочия касаются мер социальной поддержки и социальной помощи гражданам Российской Федерации и иностранным гражданам, лицам без гражданства из числа мигрантов; возможность участия в указанных полномочиях, в том числе в осуществлении их дополнительного финансирования, прямо предусмотрена федеральным законом; данные полномочия переданы органам государственной власти субъектов РФ на основе договоров с федеральными органами государственной власти либо на основе соглашений между ними [11, с. 71].

К ведению органов исполнительной власти субъектов РФ отнесено весьма небольшое количество полномочий в сфере регулирования миграции населения. В соответствии с Федеральным законом от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» [6] к полномочиям органов государственной власти субъектов Федерации относятся:

- подготовка предложений по определению квоты на выдачу иностранным гражданам разрешений на временное проживание с учетом демографической ситуации в соответствующем субъекте РФ и возможностей данного субъекта по обустройству иностранных граждан;
- подготовка предложений по определению квоты на выдачу иностранным гражданам приглашений на въезд в Российскую Федерацию для осуществления трудовой деятельности с учетом демографической ситуации в соответствующем субъекте РФ и возможностей данного субъекта по обустройству иностранных граждан;
- выдача заключений о привлечении и об использовании иностранных работников в субъекте РФ для представления их в федеральный орган исполнительной власти в сфере миграции или его территориальный орган для обоснования выдачи разрешения на привлечение и использование иностранных работников;
- ежегодное определение потребности субъекта РФ в привлечении иностранных работников, оценка эффективности использования иностранной рабочей силы, вклада иностранных работников в социально-экономическое развитие субъекта Федерации;
- осуществление контроля за трудовой деятельностью иностранных работников;
- установление законом субъекта Российской Федерации порядка создания специальных учреждений, в которых могут по решению суда содержаться иностранные граждане, подлежащие депортации или выдворению, до исполнения решения о депортации или выдворении.

О необходимости более широкого участия субъектов РФ в регулировании миграционных отношений свидетельствуют распространенные попытки регионов вторгаться в компетенцию федеральных органов власти по противостоянию незаконной миграции, являющейся серьезным фактором нестабильности их развития. Как известно, субъекты Российской Федерации не вправе издавать акты, каким-либо образом ограничивающие права и свободы человека и гражданина. Такие ограничения могут быть установлены федеральным законом и только в пределах, определенных Конституцией РФ. Поскольку регулирование миграционных процессов неизбежно затрагивает сферу прав и свобод человека и гражданина, попытка урегулировать их на уров-

не субъекта Российской Федерации чревата опасностью вторжения в сферу федерального законодательства.

Более того, если субъект Российской Федерации присваивает себе право устанавливать понятие незаконной миграции или незаконного нахождения, пусть даже только на территории данного субъекта, то он таким образом априори должен осуществлять и контроль над нахождением лиц на соответствующей территории, что в соответствии с федеральным законодательством также является исключительной прерогативой федеральных органов.

Как представляется, объем существующих полномочий органов государственной власти субъектов РФ в сфере миграции в принципе обеспечивает определенный круг отношений, регламентируемых на уровне законов: в основном данное регулирование направлено на осуществление социальной поддержки отдельных категорий мигрантов.

Запаздывание федерального правового регулирования миграционных процессов как по предметам ведения Российской Федерации (например, статус иностранных граждан), так и по предметам совместного ведения (например, обустройство мигрантов) в сочетании с напряженной ситуацией в отдельных регионах вынуждает субъекты Федерации осуществлять правовое регулирование до принятия федеральных актов. Однако им в этой сфере принадлежит только часть полномочий, поэтому попытки урегулировать миграцию комплексно на региональном уровне неминуемо приводят к вторжению субъектов РФ в сферу федеральной компетенции.

Таким образом, объем полномочий органов государственной власти субъектов РФ, в том числе в силу несовершенства федерального законодательства, четко не определен [11, с. 74—77].

Нельзя не отметить существенный недостаток действующей системы федеральных органов в сфере миграции. Так, например, согласно Постановлению Правительства РФ от 20 марта 2003 г. № 165 «О внесении изменений и дополнений в порядок разработки и реализации федеральных целевых программ и межгосударственных целевых программ, в осуществлении которых участвует Российская Федерация» с 2003 г. экспертизу и оценку целевой программы осуществляет Министерство внутренних дел РФ, а не Федеральная миграционная служба России [4]. Речь идет об экспертизе целевых программ экономического и социального развития регионов и отдельных субъектов Российской Федерации на наличие в них комплексных мер по обустройству мигрантов.

Отнесение Федеральной миграционной службы России к подведомственности МВД России обозначило преимущественно правоохранный характер ее деятельности по регулированию миграционных процессов, закрепило за миграционной службой статус правоохранительного органа Российской Федерации.

Одним из существенных недостатков действующей системы миграционных органов является недостаточное правовое регулирование взаимодействия МВД России и ФМС России, которое заключается в нечетком разграничении полномочий этих органов, а также в довольно узком круге полномочий ФМС России в сфере миграции в отличие от МВД России. Нет четкого разделения компетенции между миграционными ведомствами и органами МВД.

Необходимость дальнейшего совершенствования системы органов исполнительной власти в сфере миграции очевидна, поскольку данная система на современном этапе не отвечает многим направлениям миграционной политики.

Библиографический список

1. Вопросы Федеральной миграционной службы: Указ Президента РФ от 19.07.2004 г. № 928 (в ред. Указов Президента РФ от 07.05.2005 г. № 516; от 03.03.2008 г. № 301) // Собрание законодательства РФ. 2004. № 30. Ст. 3150; 2005. № 19. Ст. 1786; 2008. № 10 (ч. 2). Ст. 906.
2. Некоторые вопросы Федеральной миграционной службы: Постановление Правительства РФ от 22.09.2004 г. № 493 // Собрание законодательства РФ. 2004. № 39. Ст. 3868.
3. О беженцах: Федеральный закон РФ от 19.02.1993 г. № 4528-1 (в ред. ФЗ от 28.06.1997 г. № 95-ФЗ; от 30.12.2006 г. № 266-ФЗ) // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РФ. 1993. № 12. Ст. 425; Собрание законодательства РФ. 1997. № 26. Ст. 2956; 2007. № 1 (ч.1). Ст. 29.
4. О внесении изменений и дополнений в порядок разработки и реализации федеральных целевых программ и межгосударственных целевых программ, в осуществлении которых участвует Российская Федерация: Постановление Правительства РФ от 20.03.2003 г. № 165 // Собрание законодательства РФ. 2003. № 12. Ст. 1140.
5. О вынужденных переселенцах: Закон РФ от 19.02.1993 г. № 4530-1 (в ред. ФЗ от 20.12.1995 г. № 202-ФЗ; от 18.07.2006 г. № 121-ФЗ) // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РФ. 1993. № 12. Ст. 427; Собрание законодательства РФ. 1995. № 52. Ст. 5110; 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3420.
6. О правовом положении иностранных граждан в РФ: Федеральный закон от 25.07.2002 г. № 115-ФЗ (в ред. ФЗ от 30.06.2003 г. № 86-ФЗ; от 06.05.2008 г. № 60-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3032; 2003. № 27 (ч. 1). Ст. 2700; 2008. № 19. Ст. 2094.
7. О Типовом регламенте взаимодействия федеральных органов исполнительной власти: Постановление Правительства РФ от 19.01.2005 г. № 30 // Собрание законодательства РФ. 2005. № 4. Ст. 305.
8. Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации: Федеральный закон от 06.10.1999 г. № 184-ФЗ (в ред. ФЗ от 29.07.2000 г. № 106-ФЗ; от 22.07.2008 г. № 157-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 2000. № 31. Ст. 3205; 2008. № 30 (ч. 1). Ст. 3613.
9. Об утверждении регламента взаимодействия МВД России с федеральными органами исполнительной власти: Приказ МВД РФ от 28.02.2005 г. № 132 (в ред. Приказа МВД РФ от 22.10.2007 г. № 914) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2005. № 25; 2007. № 50.
10. Об утверждении Типового положения о территориальном органе Федеральной миграционной службы: Приказ МВД РФ от 02.12.2005 г. № 983 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2005. № 51.
11. *Хабриева Т. Я.* Миграционное право России: теория и практика. М., 2008

РОЛЬ ЭТНОРЕЛИГИОЗНЫХ ФАКТОРОВ В ГОРОДСКОМ РАЗВИТИИ

В условиях глобализации, т. е. процесса универсализации, становления единых общепланетарных структур [12, с. 31], усиления миграционных потоков и междивизиационных контактов особую остроту приобретает вопрос об интеграции сообществ с различными «менталитетами, духовно-культурными идентичностями, системами ценностей, образами жизни...» [5, с. 35]. Параллельно с глобализационными трансформациями экономической, политической и информационных сфер растет значимость социокультурных локальных факторов, в том числе этнического и религиозного, которые в силу своей естественной инерционности, консервативности выступают сдерживающими преградами, обеспечивающими сохранение и поддержание социального и культурного многообразия. Фактически происходит взаимодействие глобализации и локализации [7, с. 208], или глокализация.

В нашей стране глокализационные процессы стали интенсивно развиваться с конца XX в. на фоне крушения прежней социальной системы. Советская идентичность, имевшая в качестве своих оснований положения о советском народе как новой исторической общности и его безрелигиозности, переживала свое крушение в условиях распада государства, парада суверенитетов, роста массовых настроений социального проигрыша, депривации, ксенофобии, изоляционизма и одновременного активного вхождения России в глобальные структуры и потоки.

Взаимовлияние указанных процессов углубило смешение религиозных и этнических оснований индивидуального, группового и массового сознания и поведения. Как следствие, в постсоветский период в ходе опросов отечественные социологи стали постоянно фиксировать тесную связь религиозной и этнической идентичностей россиян. Оказалось, что, «называя себя при ответах на соответствующий вопрос анкеты православным, мусульманином и т. д., многие респонденты имеют в виду вовсе не то, что они веруют в бога, а то, что они происходят из данной *этнокультурной среды*», их «конфессиональная самоидентификация выступает *заместителем* идентификации этнонациональной» [3, с. 8], т. е. она осуществляется «не по принадлежности к той или иной религии, а на основе соотнесения себя с определенной культурой, национальным образом жизни (“русский — поэтому православный”, “татарин — поэтому мусульманин”), в значительной мере сформировавшимися под влиянием данной религии» [6, с. 50].

Территориально глокализационные процессы в большей степени затрагивают города, т. к. именно туда в первую очередь направляются основные потоки трудовой миграции, приводящие к изменению этнорелигиозного со-

става населения. Несомненно, они отмечаются и в городе Иванове, хотя и не столь значительно, как в мегаполисах.

С одной стороны, Иваново — это город, в котором более 90 % его жителей являются русскими, но с другой стороны, в нем также проживают представители более 100 наций и народностей. Аналогичная ситуация наблюдается с вероисповеданиями: при явном преобладании православных приходов, монастырей и других структурных подразделений Русской православной церкви свою деятельность осуществляют еще почти 30 конфессий.

С целью социологического изучения совокупности форм, видов и механизмов взаимоотношений этнонационального и религиозного факторов на разных уровнях и с различными социальными субъектами и акторами городской жизни, а также для определения характера этих взаимоотношений, их направленности, степени воздействия на те или иные элементы общественной системы по решению Экспертного религиозно-этического совета при Правительстве Ивановской области в июле 2008 г. был проведен анкетный опрос жителей г. Иванова (N = 620 чел.). Он стал подготовительным этапом мониторинга этноконфессиональной ситуации в Ивановской области.

Основными задачами опроса были следующие:

- 1) выявить роль и взаимодействие этнического и религиозного факторов в различных сферах общественной и личной жизни горожан;
- 2) раскрыть толерантные и конфликтные стороны этноконфессиональных отношений в г. Иванове;
- 3) выяснить мнения ивановцев о социальной роли религиозных организаций и о преподавании знаний о религии в государственной школе;
- 4) пополнить информационную базу для управления этноконфессиональной ситуацией в городе.

При разработке инструментария использовалась (в адаптированном виде) методика профессора Российской академии государственной службы при Президенте РФ Р. А. Лопаткина, апробированная в Ханты-Мансийском автономном округе.

В ходе анкетирования опрашивались респонденты во всех административных районах г. Иванова. Выборка была стратифицированная. В ней были отражены пропорциональные доли респондентов по полу и возрасту в соответствии с генеральной совокупностью, состоящей из жителей г. Иванова старше 18 лет. Всего было опрошено 282 мужчины и 338 женщин. Доли респондентов по полу и возрасту представлены в табл. 1.

Таблица 1

Доля респондентов с различными половозрастными характеристиками
(N = 620 чел.)

Возраст, лет	Пол				Весь массив	
	мужской		женский			
	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%
18—29	64	10,4	66	10,6	130	21,0
30—39	51	8,2	57	9,2	108	17,4
40—49	60	9,7	68	11,0	128	20,7
50—59	48	7,7	64	10,3	112	18,0
60 и старше	59	9,5	83	13,4	142	22,9
<i>Всего</i>	282	45,5	338	54,5	620	100,0

В выборку вошли респонденты с различным уровнем образования (табл. 2).

Таблица 2

**Уровень образования респондентов в зависимости от пола, %
(N = 620 чел.)**

Уровень образования	Пол		Весь массив
	мужской	женский	
Начальное и неполное среднее	5,3	5,6	5,5
Общее среднее	15,2	18,9	17,3
Начальное и среднее профессиональное	32,3	29,6	30,8
Незаконченное высшее	6,4	8,3	7,4
Высшее и послевузовское	40,8	37,6	39,0

По роду занятий в выборке были представлены следующие категории: 1) студенты (учащиеся) — 10,0 %; 2) неработающие (по состоянию здоровья, безработные, ведущие домашнее хозяйство) — 3,7 %; 3) работающие (служащие) на предприятиях с различной формой собственности, в учреждениях, фирмах и т. п. — 61,8 %; 4) пенсионеры (работающие и неработающие) — 24,5 %. Распределение опрошенных ивановцев по роду занятий в зависимости от пола отражено в табл. 3.

Таблица 3

Соотношение рода занятий и пола, % (N = 620 чел.)

Род занятий	Пол		Весь массив
	мужской	женский	
Неработающий студент (учащийся)	7,8	6,8	7,3
Работающий студент (учащийся)	1,8	3,6	2,7
Неработающий (по состоянию здоровья, безработный, ведущий домашнее хозяйство)	1,8	5,3	3,7
Работающий (не студент и не пенсионер)	65,9	58,3	61,8
Неработающий пенсионер	17,4	23,1	20,5
Работающий пенсионер	5,3	2,9	4,0

Основными сферами занятости работающих респондентов являются:

- образование, культура и здравоохранение (21,3 %);
- сфера различных коммунальных, социальных и персональных услуг (17,4 %);
- армия, МЧС, правоохранительные органы и органы управления (13,1 %);
- торговля (12,8 %);
- строительство (11,7 %);
- текстильное и швейное производство (10,0 %);
- транспорт (7,8 %);
- тяжелая промышленность и энергетика (5,7 %).

Таким образом, в выборку вошли представители разнообразных сфер трудовой занятости населения, обеспечивающих жизнедеятельность г. Иванова.

Материальный достаток опрошенных ивановцев выяснялся на основе самооценок, что дополнительно служило характеристикой их социального самочувствия. Данные о том, каким образом его оценивают респонденты разного пола, отражены в табл. 4 и свидетельствуют, что более половины опрошенных испытывают материальные затруднения.

Таблица 4

**Самооценки уровня материального достатка в зависимости от пола, %
(N = 620 чел.)**

Варианты ответов	Пол		Весь массив
	мужской	женский	
Живем в полном достатке	1,8	0,9	1,3
Живем в достатке	46,5	39,1	42,4
Средств хватает только на самое необходимое	41,8	44,4	43,2
Средств не хватает даже на самое необходимое	3,5	11,8	8,1
Нет ответа	6,4	3,8	5,0

В выборке также учитывалось пропорциональное распределение этнических групп населения (в соответствии со статистическими данными). Русские составили 93,5 % респондентов. Среди представителей других национальностей были опрошены 19 мужчин и 21 женщина. В число респондентов вошли украинцы (12 чел.), татары (10 чел.), армяне (4 чел.), азербайджанцы (3 чел.), молдаване (2 чел.), а также по одному представителю от белорусов, грузин, чеченцев, дагестанцев, коми, марийцев, казахов, корейцев, немцев.

Таким образом, социально-демографический состав респондентов свидетельствует о репрезентативности выборки данного исследования.

Среди респондентов 72,2 % родились и сейчас постоянно живут в Иванове. Наибольшее количество коренных жителей оказалось в возрастной категории 18—29 лет (особенно среди женщин), наименьшее — в категории 60 лет и старше (также прежде всего среди женщин). Самую многочисленную группу составили те, кто проживает в городе более 20 лет (79,7 %).

Из приехавших в город на постоянное место жительства более половины являются уроженцами других регионов России (от Санкт-Петербурга до Дальнего Востока и Сахалина), третья часть — городов и сел Ивановской области, остальные прибыли из стран СНГ. Среди приехавших в Иваново на время учебы или работы более половины составляют молодые респонденты в возрасте 18—29 лет.

Из опрошенных, не являющихся коренными ивановцами, намерены обязательно вернуться на свою родину только 5,3 %, не исключают такого варианта 28,8 %, а не хотят уезжать 65,9 %, т. е. почти 2/3 из данной категории респондентов. Эти данные говорят о том, что условия жизни в г. Иванове и возможности для реализации своего потенциала их в основном устраивают. Однако только каждый пятый респондент положительно, с пониманием относится к приехавшим в Иваново в последние годы (рис. 1).

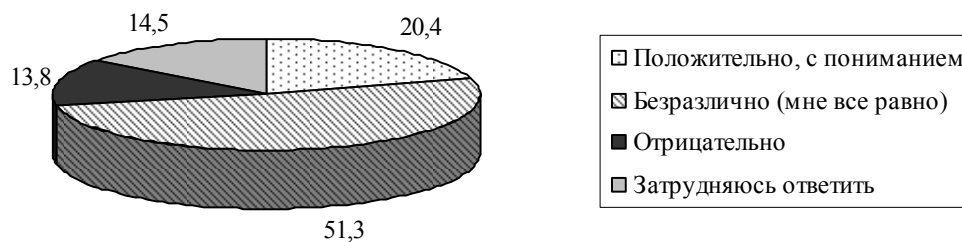

Рис. 1. Отношение респондентов к приехавшим в Иваново в последние годы, %

Наибольший процент тех, кто относится к приезжим с пониманием, отмечается у женщин всех возрастных категорий, а также у респондентов старше 60 лет. Респонденты мужского пола более безразличны к ним. Отрицательное отношение более характерно для мужчин в возрасте 30—39 лет. Самый значительный процент затруднившихся определить свое отношение к приезжим наблюдается среди женщин, а также у респондентов в возрасте 18—29 лет. При этом в устных комментариях к своим ответам (количественно не фиксирующихся в анкетных опросах) некоторые респонденты отмечали, что они испытывают разные чувства к тем, кто приехал из населенных пунктов Ивановской области или других мест с преимущественно славянским населением, и к тем, кто прибыл из регионов с иным этническим составом и по национальности не славянин.

Подобные суждения обусловлены наличием существенной социально-культурной дистанции, которая наиболее ощутимо проявляется в желании или нежелании видеть в качестве мужа своей дочери или близкой родственницы представителя другой национальности (рис. 2).

Как видим, в качестве супругов ближайших родственниц опрошенные ивановцы прежде всего не хотели бы видеть (из предложенного списка национальностей) чеченца, азербайджанца, ингуша, армянина, узбека, дагестанца, грузина, т. е. в основном представителей народов Кавказа.

Ответы на этот вопрос коррелируют с данными о том, к каким национальностям ивановцы испытывают неприязнь. Всего о таком отношении заявила треть опрошенных. Из них в открытом вопросе анкеты 36,2 % назвали «лиц кавказских национальностей», 20,4 % — чеченцев, 7,7 % — грузин, по 6,0 % — азербайджанцев и армян, 3,8 % — дагестанцев, 0,9 % — ингушей. При этом следует оговорить, что анкетирование проводилось до событий в Южной Осетии, поэтому в отношении грузин не было явного политического подтекста.

Обращает на себя внимание и тот факт, что только каждый четвертый респондент определенно исключает возможность серьезного национального конфликта в Иваново (рис. 3).

В качестве главных причин возможного межнационального конфликта респонденты называют причины социокультурного и социально-психологического характера: неуважение к мировоззрению других национальностей (42,7 %), разные черты характера (27,6 %). Для сравнения: вариант «конкуренция за рабочие места» выбрали только 5 % из данной категории респондентов. А это значит, что не экономические факторы, по мнениям ивановцев, играют определяющую роль в межнациональных отношениях и являются главными индикаторами их стабильности.

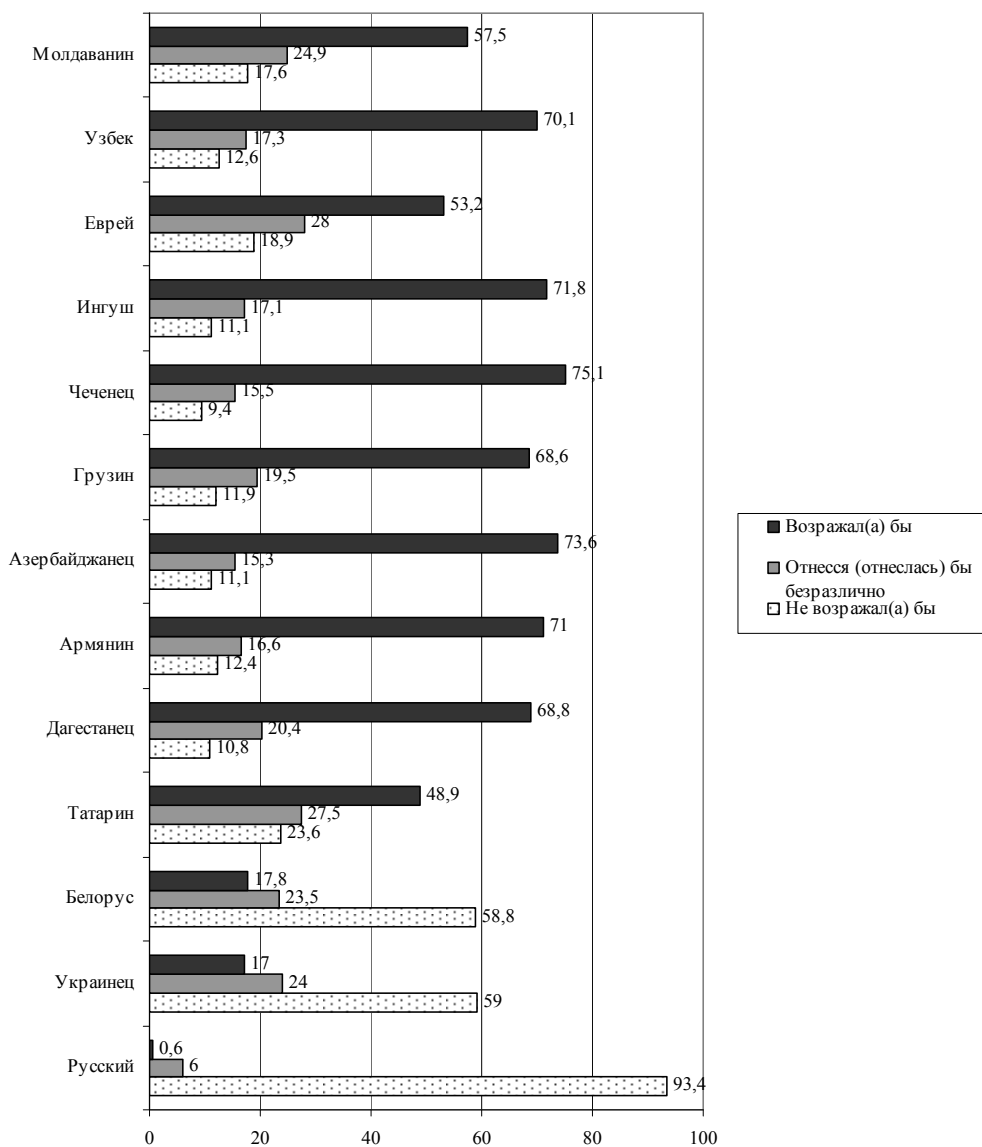

Рис. 2. Отношение респондентов к замужеству дочери или близкой родственницы с представителем своей или иной национальности, %

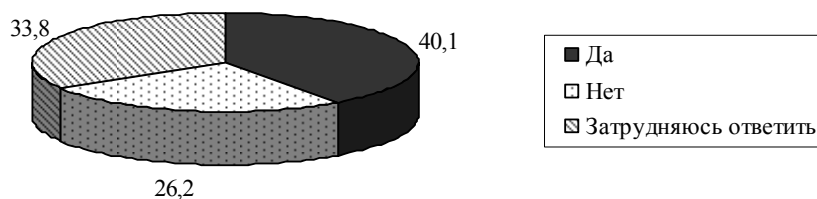

Рис. 3. Мнения ивановцев о возможности в городе серьезного межнационального конфликта, %

Каждый второй опрошенный полагает, что в городе нет равных условий для представителей всех национальностей в продвижении по службе, в возможности занять ответственный пост в местных органах власти и управления и в избрании депутатом. Наиболее равные возможности, по мнениям

68,2 % респондентов, существуют при получении высшего образования (рис. 4). Отсюда следует, что интеллектуальный и социальный потенциал различных этнических групп, с позиций опрошенных ивановцев, не реализуется должным образом. При этом весьма положительно оцениваются возможности сохранения и развития своей национальной культуры, что, как отмечалось выше, является значимым моментом.

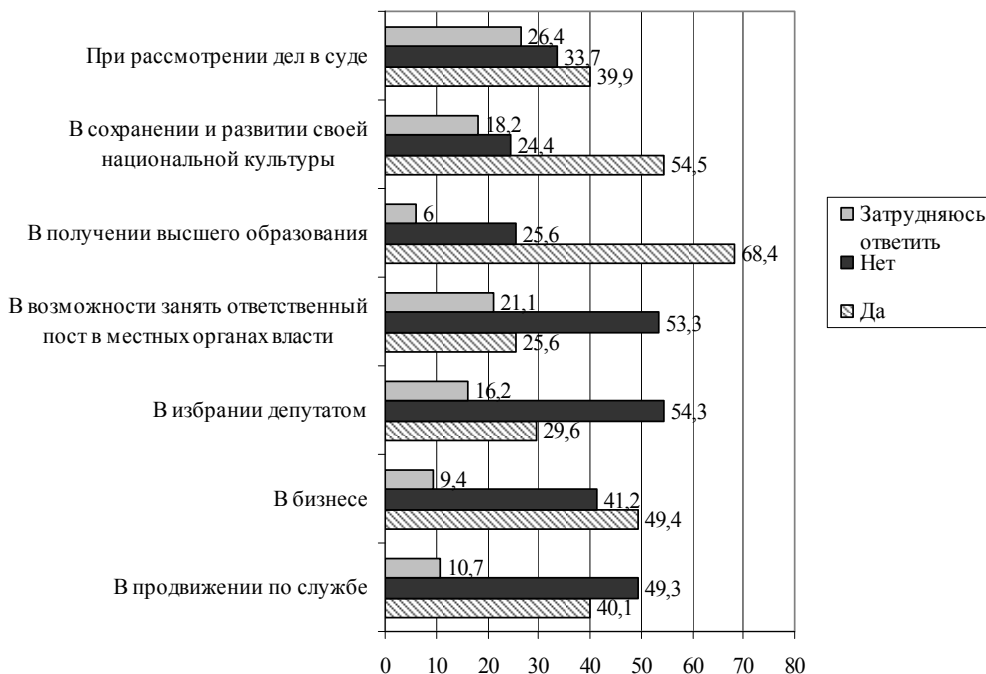

Рис. 4. Мнения о том, имеют ли представители всех национальностей, проживающие в Иванове равные условия и возможности, %

К позитивным факторам следует также отнести то, что более половины респондентов в кругу своих друзей имеют представителей других национальностей (причем женщины чаще, чем мужчины), а также то, что 6,8 % опрошенных состоят в межнациональных браках (прежде всего в русско-украинских и русско-татарских). Таким образом, у большинства опрошенных есть опыт неформальных межкультурных коммуникаций, что важно в условиях объективного глокализационного процесса усиления роли этничности и религиозности.

По отношению к религии 72,2 % респондентов (61,5 % мужчин и 80,9 % женщин) идентифицировали себя как «верующие» или «скорее верующие», т. е. уровень религиозности (по самоопределению опрошенных) высокий. Наибольший процент религиозно ориентированных респондентов зафиксирован в возрастной группе 18—29 лет (79,2 %, из них 65,6 % мужчин и 92,4 % женщин), наименьший — в возрастной группе 50—59 лет (67,2 %, из них 53,2 % мужчин и 77,8 % женщин). О нерелигиозной мировоззренческой позиции заявили 17,2 % опрошенных ивановцев (26,0 % мужчин и 9,8 % женщин). Совершенно она отсутствует только у респондентов с начальным образованием. Больше всего респондентов с нерелигиозной самоидентификацией отмечено в возрастной группе 50—59 лет (23,7 %), меньше всего — в возрастной группе 30—39 лет (14,1 %). Аналогичные показатели отмечены у

мужчин этих групп (соответственно 38,3 и 19,6 %). Среди женщин самый незначительный процент назвавших себя нерелигиозными зафиксирован в группе 18—29 лет (3,1 %), а самый значительный — в группе старше 60 лет (13,3 %). Таким образом, явными оказались поколенческие и гендерные различия, детерминированные определенными социально-коммуникативными факторами.

Преобладание религиозной самоидентификации у молодых респондентов в значительной мере связано с тем, что они родились или были детьми в тот период, когда в нашей стране происходили существенные изменения в отношении к религии, когда были сняты запреты на активную общественную деятельность религиозных организаций, когда религиозные темы стали получать отражение в СМИ, но при этом медийная среда наполнялась информацией как о верованиях, традиционно исповедуемых коренными народами, так и о религиозных новообразованиях, которые в то время без особых ограничений распространяли западные и восточные проповедники. Все это не могло не отразиться на направленности социализации и мировоззренческих ориентациях нынешней молодежи.

В отношении различий в женском и мужском подходе к религиозной самоидентификации нужно указать на то, что среди православных верующих женщины традиционно составляют большинство [9, с. 185]. Однако пути их обращения к православной вере, а также социально-психологические и экзистенциальные потребности, реализуемые посредством нее, существенно различаются [2, с. 153—189].

По результатам нашего опроса почти 3/4 всех респондентов имеет православное конфессиональное самоопределение — 74 % опрошенных от всего массива (61,9 % мужчин и 84,3 % женщин). Наиболее высокая доля православных среди мужчин отмечается в возрастной группе 40—49 лет (67,8 %), среди женщин — в группе 18—29 лет (89,4 %), наиболее низкая — в категории 50—59 лет (67,9 %, среди мужчин — 56,3 %, среди женщин — 76,6 %). Таким образом, во всех половозрастных группах православные респонденты составляют большинство (мужчин — более половины, женщин — более трех четвертей), т. е. по количественным показателям в Иванове преобладает население с православной самоидентификацией. Однако только каждый пятый православный респондент считает себя прихожанином, и лишь каждый десятый ежемесячно бывает в храме на службе. Следовательно, процент воцерковленных ивановцев не столь значителен, как общее число называющих себя православными. Но эта тенденция несоответствия уровня и степени религиозности регулярно фиксируется социологами как в общероссийских, так и региональных опросах.

Слабые показатели институциональной религиозности коррелируют с тем, что в межличностных, деловых, политических коммуникациях роль этнического фактора у респондентов выше религиозного. Наиболее значимыми эти факторы респонденты считают при избрании Президента РФ, мэра города, брачного партнера, наименее значимыми — для сферы досуга (на отдыхе, в компании и т. п.) (рис. 5 и 6). При этом у респондентов, интенсивно включенных в своих повседневных практиках в круг неформальных межкультурных контактов (состоящих в межнациональном браке, имеющих друзей других национальностей), религиозная идентичность выражена сильнее, а этническая — слабее по сравнению с теми, кто имеет родных и близких друзей только своей национальности.

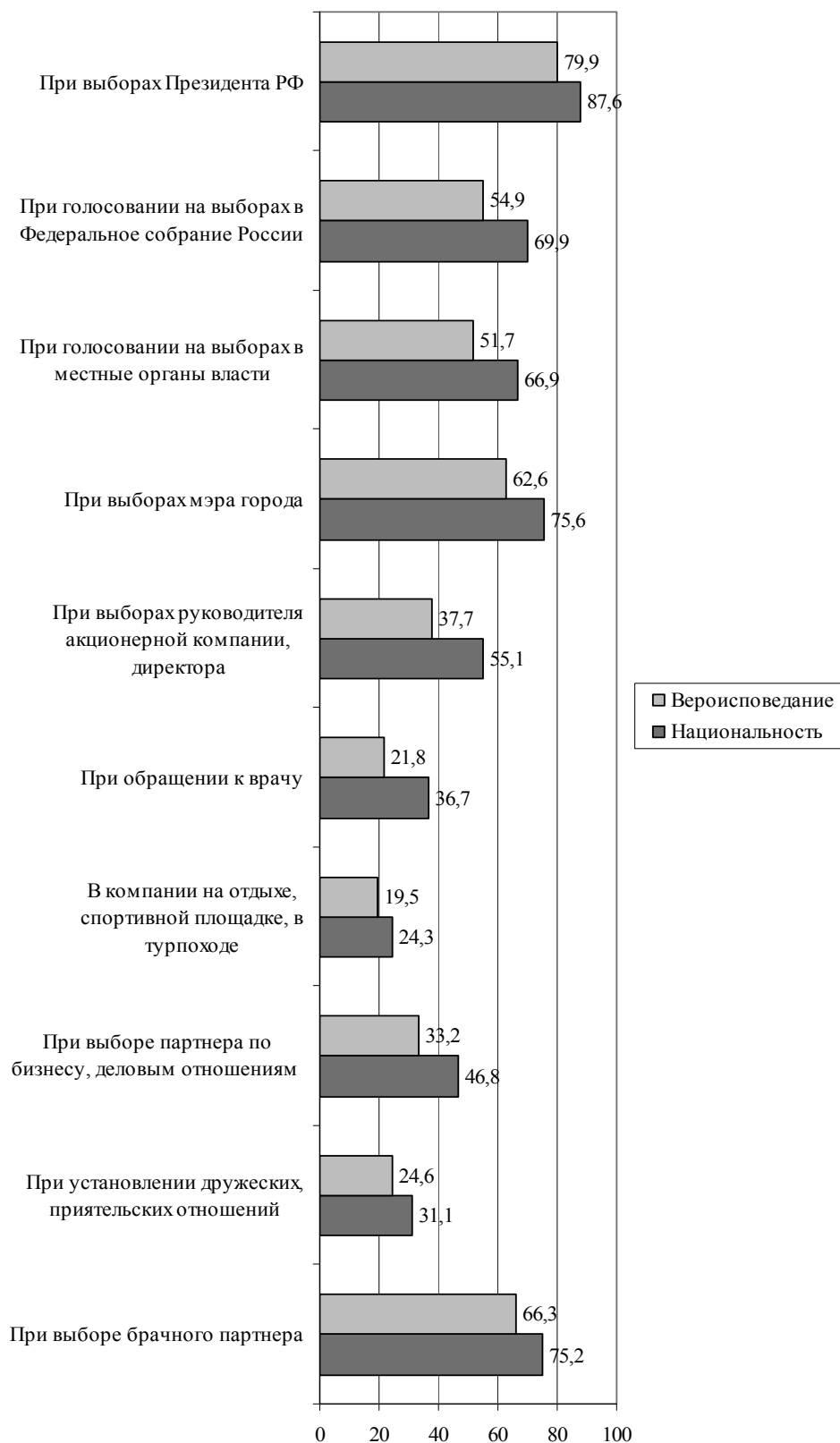

Рис. 5. Мнения респондентов о значении вероисповедания и национальности в различных жизненных ситуациях, %

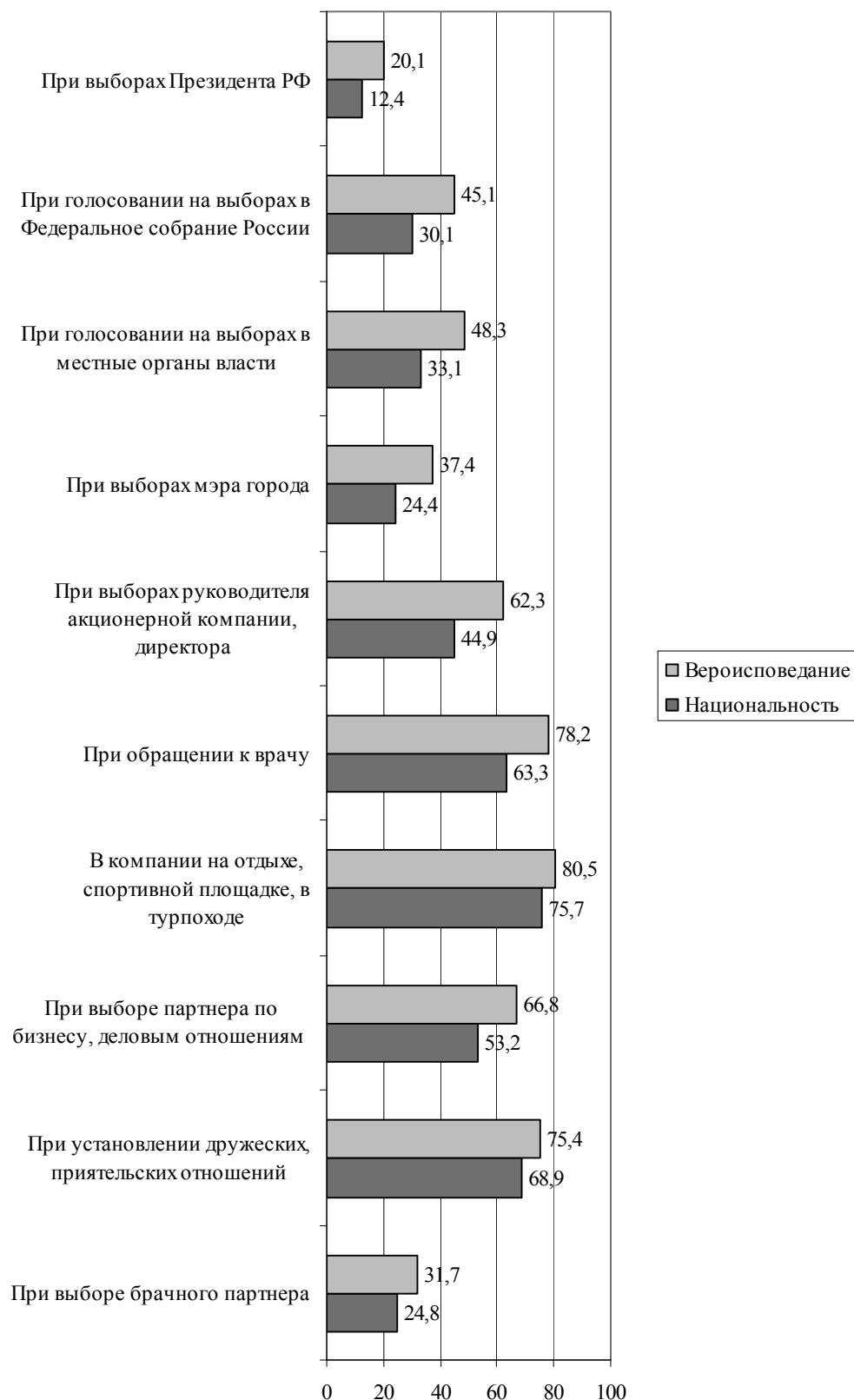

Рис. 6. Мнения респондентов об отсутствии значения вероисповедания и национальности в различных жизненных ситуациях, %

Как и в других социологических исследованиях, по результатам нашего опроса общее количество православных превышает число «верующих» и «скорее верующих», т. к. к ним себя относят даже отдельные неверующие и атеисты. О принадлежности к православию сообщили более $\frac{3}{4}$ респондентов русской, украинской и молдавской национальностей. Однако православными, а не мусульманами (которых в выборке насчитывалось 1,8 %), назвали себя также некоторые представители татарской и азербайджанской национальностей, что подтверждает отсутствие тождества между конфессиональной и этнической идентичностями, указывает на наличие многообразных социокультурных и иных факторов, влияющих на идентификационные процессы, а также на существование различных типов этнорелигиозного самосознания с вариативностью обеих его составляющих [8, с. 87—236].

Следует к тому же отметить, что 12,3 % нерелигиозных респондентов не относят себя ни к одной из конфессий; 7,1 % называют себя христианами, но ни с какой конкретной церковью себя не связывают (эту категорию социологи называют «христиане вообще»); 3,9 % считают себя верующими, но ни к какому конкретному вероисповеданию себя не причисляют, т. е. являются «верующими вообще».

Характер религиозности респондентов сказывается и на их отношении к людям, исповедующим другую веру, а именно на преобладании индифферентной ориентации (рис. 7).

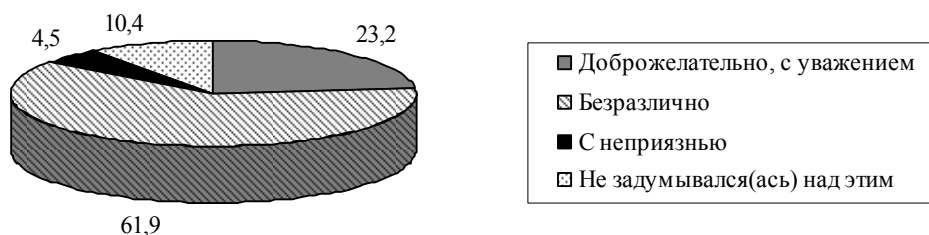

Рис. 7. Отношение респондентов к людям другой веры, %

На вопрос о том, приходилось ли испытывать недоброжелательное отношение из-за своих взглядов на религию, утвердительно ответили 2,3 % опрошенных против 10,1 % тех, кто испытывал подобное отношение из-за своей национальной принадлежности, при равном количестве затруднившихся ответить (около 4 %), что также подтверждает приоритет этничности в повседневных жизненных практиках.

На вопрос о том, существуют ли религиозные направления, опасные для общества, каждый второй респондент ответил утвердительно, а каждый третий выбрал вариант «сложно сказать», т. е. не смог дать определенный ответ. К опасным направлениям основная часть ответивших утвердительно отнесла сектантов (прежде всего «свидетелей Иеговы»), радикальные течения ислама и новые религиозные движения (например, «Сознание Кришны» (вайшнавизм)), а в качестве основных каналов получения информации почти $\frac{3}{4}$ из данной категории респондентов указали теле- и радиопередачи.

Распределение ответов о данных каналах в зависимости от религиозной самоидентификации прослеживалось по трем количественно сопоставимым группам: 1) «религиозные», т. е. верующие; 2) «скорее религиозные», или

колеблющиеся между верой и неверием, но скорее верующие; 3) «скорее нерелигиозные» и «нерелигиозные». В третью группу были включены респонденты со следующими самоидентификациями: во-первых, колеблющиеся между верой и неверием, но скорее неверующие, составившие подгруппу «скорее нерелигиозные»; во-вторых, те, кого вопросы религии и атеизма не интересуют; в-третьих, те, кто относит себя к неверующим, и, в четвертых, убежденные атеисты. Последние три категории образовали подгруппу «нерелигиозные». Результаты указанного распределения представлены в табл. 5.

Таблица 5

**Источники получения информации об опасных для общества религиозных организациях в зависимости от религиозной самоидентификации, %
(n = 338 чел.)**

Варианты ответов	Религиозная самоидентификация			Весь массив
	Религиозные	Скорее религиозные	Скорее нерелигиозные, нерелигиозные	
Передачи ТВ и радио	73,2	75,4	74,4	74,4
Газеты и журналы	33,3	33,3	39,5	35,0
Члены семьи	10,1	9,6	9,3	9,7
Друзья, знакомые	29,7	33,3	20,9	28,5
Священнослужители	7,2	0,9	4,7	4,4
Собственный опыт общения с представителями данных религиозных направлений	28,3	27,2	26,7	27,4

Как видим, наиболее значительные расхождения в группах с различной религиозной самоидентификацией касаются трех позиций: 1) газет, журналов; 2) друзей, знакомых; 3) священнослужителей. Остальные различия находятся в пределах статистической погрешности.

Полученные данные не позволяют определить распространения как этнической, так и религиозной толерантности, поскольку она предполагает осознанное уважение традиций других национальностей и вероисповеданий, но ни в коем случае не безразличие, не фобии и неприязнь.

Формирование толерантности неотделимо от процесса становления и развития гражданского общества. А как известно, он, в частности, предполагает усиление роли общественных (включая этнокультурные) и религиозных организаций и расширение их взаимодействий с социумом. Поэтому в анкету был включен блок вопросов об осведомленности респондентов в этой области деятельности национально-культурных объединений и конфессий.

Один из вопросов анкеты был направлен на выяснение представления респондентов о том, какое влияние оказывают религиозные организации на межнациональные отношения. При ответе на него 40,8 % опрошенных ивановцев (35,7 % мужчин и 45,1 % женщин) согласились с формулировкой, что они утверждают мир и согласие между различными национальностями. Среди тех, кто относит себя к православию, такого мнения придерживаются

48,2 % респондентов; среди прихожан (членов религиозной общины) — 58,2 %; а среди посещающих религиозные службы не менее одного раза в месяц — 69,4 %. Таким образом, по мере усиления показателей религиозности наблюдается рост позитивных оценок влияния конфессий на межнациональные отношения. Кроме того, следует подчеркнуть, что среди конфессионально определившихся респондентов оказалось значительно меньше тех, кто затруднился ответить на данный вопрос, а также среди них реже был выбор варианта отсутствия существенного влияния религиозных организаций на межнациональные отношения. Распределение ответов в зависимости от конфессиональной самоидентификации представлено в табл. 6 (в таблицу были включены только те группы, численность которых позволяет проводить частотное сравнение).

Таблица 6

**Представления о влиянии религиозных организаций
на межнациональные отношения в зависимости
от конфессиональной самоидентификации, % (N = 620 чел.)**

Варианты ответов	Конфессиональная самоидентификация				Весь массив
	Православные	Христиане вообще	Верующие вообще	Нерелигиозные без конфессиональной принадлежности	
Утверждают мир и согласие между различными национальностями	48,2	27,3	37,5	6,6	40,8
Способствуют обострению межнациональных противоречий	9,5	9,1	0	14,5	9,4
Существенного влияния на межнациональные отношения не оказывают	16,1	11,4	25,0	27,6	18,0
Затрудняюсь ответить	26,2	52,3	37,5	51,3	31,8

Однако взаимодействие конфессий с социумом не ограничивается сферой межнациональных отношений. На рис. 8 отражены взгляды опрошенных жителей г. Иванова на роль религиозных организаций в решении многообразных социальных проблем.

Согласно полученным данным, наиболее значительной опрошенные ивановцы считают роль религиозных организаций в укреплении нравственных начал в людях и в обществе (так ответили 45,0 % всех опрошенных и 51,4 % православных), а также в упрочении семьи, уменьшении числа разводов (соответственно 40,3 и 46,0 %) и в борьбе с абортами (43,1 и 49,3 %).

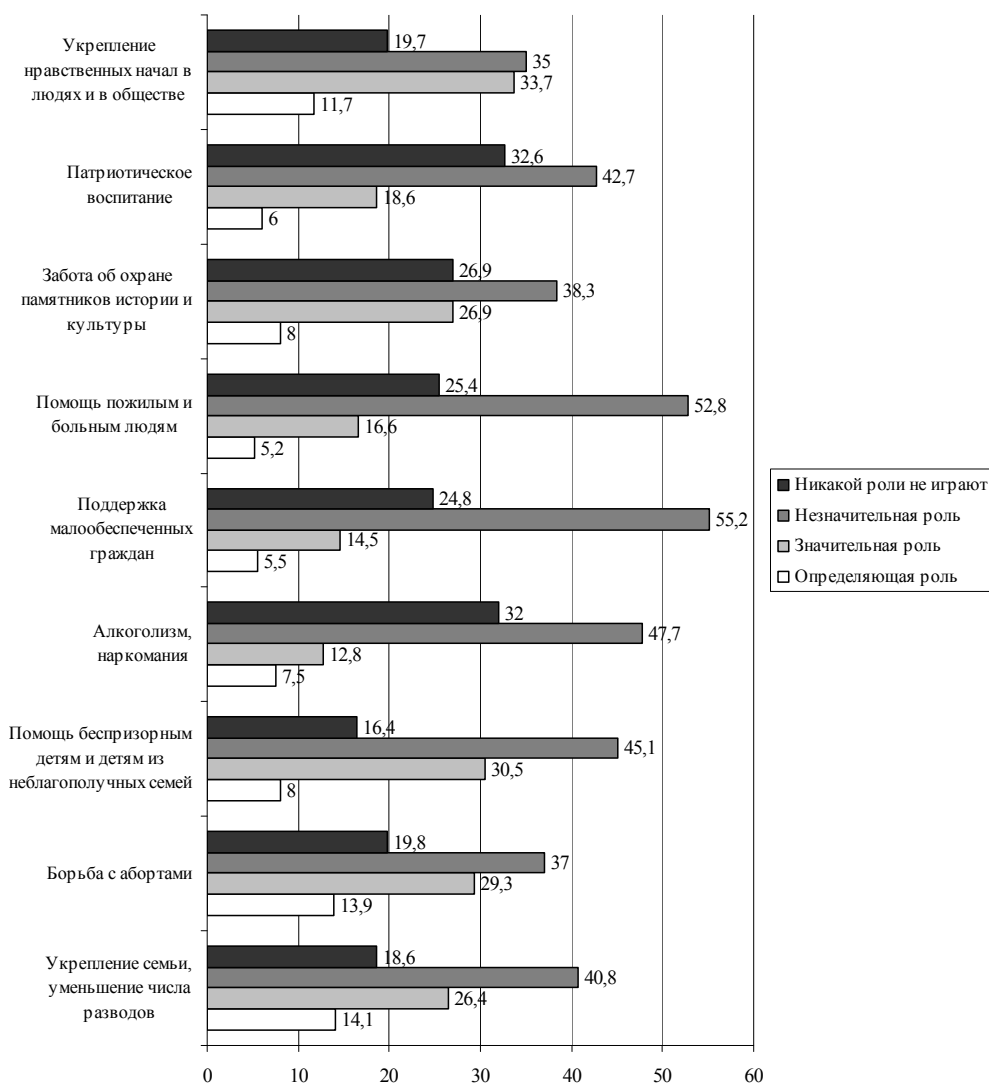

Рис. 8. Взгляды респондентов на роль религиозных организаций в решении социальных проблем, %

Видят их незначительную роль или вовсе не видят никакой роли респонденты прежде всего в поддержке малообеспеченных граждан (такого мнения придерживаются 79,2 % всех опрошенных и 77,2 % православных), в решении проблем алкоголизма и наркомании (79,3 и 77,0 %), а также в оказании помощи пожилым и больным людям (77,5 и 75,2 %). На основе этих результатов можно заключить, что респонденты слабо осведомлены о социальном служении РПЦ.

Наибольшее число мнений об отсутствии какой-либо роли религиозных организаций зафиксировано в отношении патриотического воспитания (в общем массиве — 32,6 % респондентов, у православных — 28,9 %). Однако какой смысл вкладывают опрошенные в этот термин, в анкете не выяснялось.

По социально-демографическому блоку существенные различия отмечены только в гендерном плане: по всем позициям у женщин число позитивных оценок выше, чем у мужчин, а количество негативных — ниже.

Важнейшим индикатором религиозной ситуации в городе является отношение к наиболее распространенной среди его жителей конфессии. Полагая, что именно в нем, а не в отношении к религиозным меньшинствам заключены основополагающие принципы религиозной толерантности, в анкету был включен полузакрытый множественный вопрос об оценках ивановцами социальной роли Русской православной церкви, шкала которого содержала 12 сформулированных позиций и вариант «Другое». Своих ответов респонденты не дали. Частотность выборов предложенных вариантов в зависимости от конфессиональной самоидентификации отражена в табл. 7.

Данные таблицы свидетельствуют о том, что опрошенные жители г. Иванова воспринимают РПЦ в первую очередь в религиозном смысле, затем как культурно-историческую традицию и социально-психологическую основу русского народа, а также как институт власти, сотрудничающий с государством.

Ее восприятие как института гражданского общества пока лишь формируется. Но это относится не только к РПЦ, но в целом к складыванию совокупности «социальных отношений и институтов, функционирующих относительно независимо от политической власти и способных через систему институтов опосредования (политические партии, группы интересов, группы давления) оказывать на нее воздействие в принятии тех или иных решений» [11, с. 60]. При этом интересно отметить, что наибольшее количество респондентов, называющих РПЦ гражданским институтом, местом взаимопомощи (15,3 %), оказалось среди тех, кто признает определяющую роль религиозных организаций в укреплении нравственных начал в людях и обществе.

В связи с этой корреляцией полезно вспомнить слова П. А. Сорокина из книги «Кризис нашего времени»: «Чем больше мы экспериментируем с экономическими условиями, тем хуже они становятся. Чем чаще мы признаем войны незаконными, тем более разрушительными они являются. Чем больше мы стремимся к справедливому социальному обеспечению, тем большую необеспеченность мы получаем. Пора прекратить обманывать себя всеми этими легкими мерами; они не остановили и не могут остановить процесс дезинтеграции». Преодоление кризиса, по убеждению Сорокина, возможно лишь «посредством религиозной революции», а основные этапы выхода из него выражаются сжатой формулой: «кризис — божий суд — очищение (катарсис) — милосердие (харизма) — возрождение» [10, с. 332].

В оценках социальной роли РПЦ проявляются значительные гендерные различия. У женщин более выражено ее религиозное, культурно-историческое и социально-психологическое понимание. В их представлениях она является организацией, бескорыстно служащей людям, независимой от действующих властей, имеющей в России равные права с другими конфессиями. Мужчины чаще характеризуют РПЦ как институт власти, сотрудничающий с государством, как религиозную организацию России, имеющую определенные привилегии, и как бизнес-организацию, ориентированную на собственное обогащение. Таким образом, мужская позиция более критична.

В последние годы в российском обществе развернулась широкая дискуссия о введении в школьную программу предметов религиозной направленности, в первую очередь «Основ православной культуры» (далее — ОПК). При этом следует отметить, что религиозные организации, имеющие наибольшее число последователей на территории того или иного субъекта Российской Федерации, в своих стремлениях повлиять на образовательную

систему пользуются поддержкой региональных властей (например, духовные управления мусульман в некоторых регионах Поволжья и Северного Кавказа, неоязычники в Якутии и на Урале, буддистские общины в Калмыкии и Бурятии) [4]. Однако ни исламское, ни иудейское, ни любое другое религиозное образование (за исключением православного) не становится в России предметом открытого обсуждения, а значит, не входит в поле гражданского общества.

Таблица 7

**Оценки социальной роли Русской православной церкви
в зависимости от конфессиональной самоидентификации, % (N = 620)**

Варианты ответов	Конфессиональная самоидентификация				Весь массив
	Православные	Христиане вообще	Верующие вообще	Нерелигиозные без конфессиональной принадлежности	
Бизнес-организация, ориентированная на собственное обогащение	12,3	29,5	12,5	27,6	15,7
Организация, бескорыстно служащая людям	22,3	4,5	12,5	6,6	18,9
Институт власти, сотрудничающий с государством	28,4	36,4	25,0	28,9	29,0
Организация, независимая от действующих властей	10,7	2,3	12,5	3,9	9,1
Основа культурно-исторического наследия России	34,6	13,6	29,2	17,1	30,6
Душа русского народа	34,4	11,4	29,2	5,3	29,0
Посредник между Богом и человеком	36,8	22,7	25,0	11,8	32,0
Храм, здание, где собираются верующие	58,4	43,2	75,0	60,5	58,6
Религиозная организация России, имеющая определенные привилегии	24,3	27,3	16,7	15,8	23,3
Одна из религиозных организаций России, имеющая равные права с другими	13,3	13,6	16,7	10,5	13,9
Крупнейший институт гражданского общества в России, место взаимопомощи	8,5	0	8,3	1,3	7,1
Организация, отстающая от требований современной жизни	1,5	4,5	0	7,9	2,8

На страницах «Вестника Ивановского государственного университета» в 2007 г. уже была опубликована статья с подробным разбором дискуссии вокруг ОПК, причин и этапов введения данного учебного предмета в систему

школьного образования [1, с. 109—117]. В рамках данной публикации напомним, что в школах нашего города курс по основам религиозной культуры начал вводиться с прошлого учебного года для учащихся начальных классов.

Более половины опрошенных признает необходимость давать знания о религии в школах (распределение ответов в зависимости от конфессиональной самоидентификации см. в табл. 8).

Таблица 8

Мнения о необходимости преподавания знаний о религии в школе в зависимости от конфессиональной самоидентификации, % (N = 620 чел.)

Варианты ответов	Конфессиональная самоидентификация				Весь массив
	Православные	Христиане вообще	Верующие вообще	Нерелигиозные без конфессиональной принадлежности	
Да	67,2	43,2	16,7	21,1	58,0
Нет	17,0	31,8	54,1	55,2	24,2
Затрудняюсь ответить	15,8	25,0	29,2	23,7	17,8

По возрастным категориям разброс мнений оказался в пределах статистической погрешности. По полу, при равных долях затруднившихся ответить, число женщин, поддерживающих преподавание знаний о религии в школе, больше, чем мужчин (соответственно 62,2 и 52,8 %). Еще более значительные расхождения отмечаются в группах с различным уровнем и степенью религиозности: среди религиозных респондентов отмечено 75,9 % сторонников преподавания, среди скорее религиозных — 55,6 %, среди скорее нерелигиозных и нерелигиозных — 37,8 %; среди прихожан — 84,0 %; среди посещающих религиозные службы не менее раза в месяц — 85,7 %.

Из тех респондентов, кто высказался за преподавание знаний о религии в школах, 75,1 % считают, что это должны быть знания обо всех религиях; 14,5 % полагают, что следует изучать вероучение одной религии (Закон Божий); 9,7 % выступают за курс по основам православной (мусульманской или другой религиозной) культуры. По поводу последней позиции мнения мужчин и женщин совпали, а по другим среди женщин, а также у более религиозных респондентов отмечается меньше сторонников знаний обо всех религиях и больше поддерживающих изучение вероучения одной религии. По отношению к курсу по основам религиозной культуры больше сторонников оказалось среди тех, кто считает себя прихожанином (17,3 %), а за Закон Божий чаще выступают те, кто ежемесячно бывает на религиозных службах (35,6 %).

Все социально-демографические и религиозные группы респондентов объединяет отношение к форме преподавания курсов о религии в школе: во всех категориях опрошенных значительно меньше поддерживающих их обязательность (18,3 % от всех отвечавших на данный вопрос анкеты), чем тех, кто выступает за их добровольный выбор.

Поскольку, согласно российскому законодательству, родители и другие ближайшие родственники детей являются полноправными субъектами образовательного процесса, данные нашего исследования представляют интерес как для государственных и муниципальных органов управления образованием, так и для религиозных организаций. Но при этом следует заметить, что представления о содержательных и методических составляющих тех предметов, о которых идет речь, даже среди значительной части работников сферы образования весьма поверхностные.

Это заключение в определенной мере подтверждает и тот факт, что в качестве мероприятий, которые могли бы содействовать взаимопониманию между представителями различных национальностей и религий, проживающими в Иванове, почти половина респондентов назвала продуманную миграционную политику по приглашению рабочей силы, а также проведение национальных и интернациональных фестивалей, выставок, концертов и т. п., чтобы люди различных национальностей ближе знакомились с культурой, духовными ценностями друг друга.

В целом мнения опрошенных ивановцев позволяют сделать вывод о том, что сфера этнорелигиозных отношений является необходимой составляющей устойчивого развития города.

Библиографический список

1. Белова Т. П. Основные направления институционализации и легитимации религиозного образования в современной России // Вестн. Иван. гос. ун-та. Право. Экономика. Социология. 2007. Вып. 4.
2. Ипатова Л. Православные женщины: пути воцерковления // Устная история и биография: женский взгляд / Ред. и сост. Е. Ю. Мещеркина. М., 2004.
3. Лопаткин Р. А. Конфессиональный портрет России: к характеристике современной религиозной ситуации. М., 2001.
4. Митрохин Н. Клерикализация образования в России: к общественной дискуссии о введении предмета «Основы православной культуры» в программу средних школ. <http://religion.gif.ru/cleric/cleric.html> (дата посещения — 03.02.2007 г.).
5. Мchedлов М. П. Религиозная идентичность: О новых проблемах в межцивилизационных контактах // Социол. исслед. 2006. № 10.
6. Мchedлов М. П., Гаврилов Ю. А., Кофанова Е. Н., Шевченко А. Г. Конфессиональные особенности религиозной веры и представлений о ее социальных функциях // Социол. исслед. 2005. № 6.
7. Ралле А. Локальное развитие и глобализация // Глобализация: контуры XXI века: Реф. сб.: В 3 ч. М., 2002. Ч. 2.
8. Религия в самосознании народа: (Религиозный фактор в идентификационных процессах) / Отв. ред. М. П. Мchedлов. М., 2008.
9. Синелина Ю. Ю. Возвращение русских к православию // Русский вопрос / Под ред. Г. В. Осипова, В. В. Локосова, И. Б. Орловой. М., 2007.
10. Сорокин П. А. Кризис нашего времени // Встречи с Питиримом Сорокиным / Под ред. И. Б. Орловой. М., 2003.
11. Федоркин Н. С. Становление гражданского общества в современной России: состояние, проблемы, факторы роста // Социология. 2004. № 1.
12. Чумаков А. Н. Глобализация: Контуры целостного мира. М., 2005.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

ББК 66.4 (0)

А. В. Зобнин

ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНСУЛЬТАЦИИ КАК МЕХАНИЗМ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В XXI ВЕКЕ

Внешнеполитическая практика последних лет отчетливо показала, что при прогнозировании и планировании внешней политики РФ должна ориентироваться не только на собственные интересы, но и учитывать ожидания своих партнеров, то есть всецело использовать преимущества кооперационной стратегии международно-политической коммуникации.

Мировое экономическое и политико-академическое сообщество ждет от РФ не просто уступок в реализации собственных интересов, а комплекса эффективных и продуктивных мер по налаживанию межгосударственных отношений.

В целом весь спектр ожиданий стратегических партнеров РФ от ее внешней политики в XXI в. наглядно представлен на рисунке 1 в виде пяти взаимозависимых политических категорий, носящих конкретный характер и требующих адекватного стратегического анализа с нашей стороны.

Рис. 1. Спектр ожиданий стратегических партнеров РФ от ее внешней политики в XXI в.

Как видно из схемы, на вершине представленного «магического пентаэдра» ожиданий находится результативность, то есть *качественная сопоставимость намеченных целей, заявленных ожиданий и разработанных планов результатам внешнеполитической деятельности актора*. Одним из ключевых компонентов результативности внешней политики принято считать ее эффективность (экономическую, психологическую, военно-политическую, технологическую и т. п.). Другими компонентами результативности являются степень осуществимости и уровень доверия общественности предпринимаемым руководством страны внешнеполитическим шагам.

Повышение технологической эффективности работы российских внешнеполитических ведомств (здесь технологическая эффективность — это показатель эффективности политико-управленческого процесса, то есть цикла принятия политических решений в совокупности с процедурами, осуществляющими аналитическое обслуживание процесса государственного управления) должно стать генеральной задачей для руководства РФ в среднесрочной и долгосрочной перспективах.

Цель настоящего исследования — разработать и обосновать конструктивные предложения по повышению технологической эффективности внешнеполитической деятельности РФ для их использования в дипломатической практике России.

Самыми распространенными формами дипломатической коммуникации принято считать международные переговоры, арбитраж и обмен мнениями. Заметим, что указанные инструменты межгосударственного сотрудничества показали свою неэффективность еще в XX в. Так, к примеру, индекс эффективности соглашений, достигнутых в рамках переговорного процесса в исполнительных структурах СНГ, составляет лишь 15 % [1, с. 7]. В международных институтах с каждым годом увеличивается количество «квазипереговоров», что является показателем низкой технологической эффективности используемых форм коммуникации [6, с. 67]. Хотя политические консультации показали себя в те же годы с лучшей стороны, они используются лишь рядом государств Юго-Восточной Азии и такими международными организациями, как НАТО и ОБСЕ.

Политическая консультация в международных процессах выступает как одна из форм социально-политической коммуникации, и в ее эволюции прослеживаются три хронологических периода: 1) становление (1940—1960-е гг.), 2) распространение (1970—1980-е гг.), 3) трансформация (1990-е гг. — начало XXI в.) [2, с. 36].

СССР стал прибегать к механизму политических консультаций только в начале 1970-х гг., когда в рамках Хельсинкского процесса Советский Союз вынужден был вести многосторонние политические консультации на дипломатическом уровне со странами Запада по проблеме созыва общеевропейской конференции [4, с. 30]. Со временем в ОБСЕ политические консультации заменили традиционные переговоры и способствовали повышению слаженности и эффективности работы этой организации [11, с. 71].

В эпоху нового мирового порядка феномен консультаций настолько органично интегрировался в современную международную жизнь, что его отдельные формы и проявления легко обнаружить в большинстве измерений мировой политики. К примеру, с конца 1990-х гг. РФ делала весьма уверенные шаги для перехода к системе политических консультаций в двусторонних отношениях с внешнеполитическими ведомствами ряда стран Северной Африки, что стало важнейшим инструментом для практической реализации Концепции российской политики на этом континенте.

С начала XXI в. система политических консультаций приобрела всеобщие черты, что выразилось в появлении термина «глобальные консультации» (англ. *global consultation*) [10]. Она стала объединять в себе формальные и неформальные механизмы процесса принятия политических решений на транснациональном уровне.

Известный португальский политический деятель, председатель Еврокомиссии Ж. М. Баррозо полагает, что отправной точкой для формирования системы политических консультаций послужили Маастрихтские соглашения, установившие стабильные механизмы евро-атлантического сотрудничества между структурами ЕС и НАТО [7, с. 4].

Столь обширный опыт использования политических консультаций в международной практике породил неопределенность в трактовке и типологизации консультаций в современной политической науке. В частности, в оригинальных англоязычных документах часто встречаются разнообразные лексические конструкции: «security consultation», «nuclear consultation», «technical consultation», «global consultation», «international consultation», «public consultation», «domestic consultation», «foreign consultation», «regional consultation» и др. Изучив семантику данных понятий, мы пришли к выводу, что структура консультаций отчасти соответствует структуре понятия «международная безопасность» и представлена тремя уровнями — политическим, деловым и техническим, каждый из которых включает соответствующие виды и подвиды (рис. 2).

Рис. 2. Структура и типология консультаций

В настоящее время политические консультации используются преимущественно в качестве внутриорганизационных форм сотрудничества, несмотря на то что они имеют огромный прогностический потенциал и высокую результативность. Структурно-коммуникативный анализ более сотни текстов оригинальных документов, отражающих ход консультационных процессов в таких международных организациях, как НАТО, ОВД и ОБСЕ, показал, что соотношение консультаций и антиконсультаций распределяется по годам неравномерно. Это дало нам возможность просчитать и зафиксировать динамику индекса технологической эффективности политических консультаций в рамках указанных выше международных институтов (рис. 3). Под индексом технологической эффективности (ИТЭФ) мы подразумеваем *не только количественное, но и качественное соотношение исполняемых и неисполняемых соглашений (договоренностей), достигнутых в ходе регулярных консультационных процессов.*

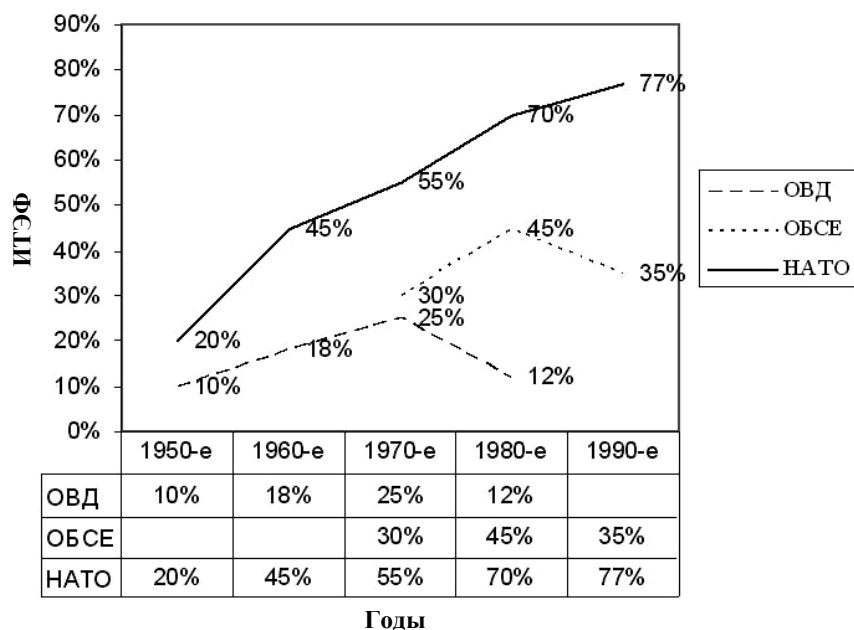

Рис. 3. Динамика индекса технологической эффективности консультационных процессов в рамках международных организаций

Таким образом, мы видим потенциальный рост эффективности политических консультаций в рамках НАТО, что вполне объяснимо с теоретико-методологической точки зрения, ведь именно в рамках рабочих дипломатических групп Североатлантического совета велась разработка методологии анализа и использования консультационных процессов в практике сотрудничества между странами — членами альянса. В настоящее время механизм политических консультаций частично привнесен в деятельность Совета Россия — НАТО, однако методология анализа консультаций остается до сих пор непроработанной, что создает дополнительные трудности их внедрения и использования в МИД РФ.

Анализ источников международного права, а также деятельности органов НАТО показывает наличие более десятка консультационных принципов:

- 1) легитимность,
- 2) общность и изначальная заданность обсуждаемых проблем,
- 3) независимость и взаимная ответственность участвующих сторон,
- 4) откровенная и непринужденная атмосфера для продуктивного обмена мнениями,
- 5) неограниченный, но заранее заданный предмет консультаций,
- 6) регулярность процесса,
- 7) гибкость позиций,
- 8) относительная открытость для общественности,
- 9) открытость интересов участвующих сторон и др.

Наличие столь жестких принципов функционирования политических консультаций существенно ограничивает их проведение, одновременно способствуя формированию уникальной субкультуры открытого получения политической информации по формальным каналам коммуникации. В то же время это обеспечивает вариативность консультативных форм и их максимальную результативность.

Интенсивное развитие межгосударственных отношений способствовало непосредственному увеличению числа разновидностей политических консультаций. На настоящий момент известны следующие их формы:

- 1) неофициальный и официальный обмены информацией;
- 2) кратковременные встречи для выработки общего понимания проблемы в свете ее текущего развития;
- 3) информирование сторон о принятых мерах или решениях, которые затрагивают интересы других международных акторов;
- 4) консультации с целью достижения соглашения по специфическим политическим вопросам или решениям;
- 5) открытые дискуссии с целью формирования консенсуса по спорным вопросам, направлениям внешней политики или параллельно предпринимаемым действиям в рамках коллективных проектов;
- 6) достижение взаимоприемлемых соглашений по коллективным проектам в рамках постоянно действующих консультативных наднациональных органов (советов, комиссий и комитетов).

В формах № 5 и 6 политические консультации выступают как разновидности переговорного процесса, а в формах № 1, 2, 3, 4 — как самостоятельный тип социально-политической коммуникации, основанный на конструктивном политическом диалоге.

Основная функция политических консультаций — это не достижение соглашения (урегулирования или разрешения проблемной ситуации), а информирование присутствующих сторон о шагах по разрешению рассматриваемой проблемы. С одной стороны, политические консультации могут предшествовать переговорному процессу, с другой — они чаще всего следуют за переговорами, контролируя исполнение принятых коллективных соглашений, и тем самым оказывают опосредованное влияние на внутривнутриполитическую деятельность их участников.

В механизме политической консультации необходимо вычленить предмет, проблемное поле, интересы и цели участвующих сторон. Среди последних часто выделяют цель-максимум (стремление к развитию закрытых консультаций по специфическим проблемам и координации дальнейших действий) и цель-минимум (заверение, что действия или политический курс каждой из сторон не будет намеренно оказывать воздействие на общие интересы) (см. рис. 4).

Политические консультации могут проводиться с целью [8, с. 88]:

- 1) исследования (поиска информации о партнере или альтернативы политическому решению);
- 2) информирования (информирования общественности о принятых решениях и предпринятых действиях по их реализации);
- 3) измерения (анализа уровня доверия общественности);
- 4) убеждения (убеждения общественности в правильности предпринимаемых шагов);
- 5) легитимизации (приобщения результатов деятельности к нормам и ценностям политического поведения).

Принято выделять два вида результативности политических консультаций: получение/передача необходимой информации и достижение консенсуса по избранной проблеме. Исход консультации зависит не только от индивидуальных позиций и интересов сторон, но и от наличия трех необходимых условий эффективного консультационного взаимодействия: общего проблемного

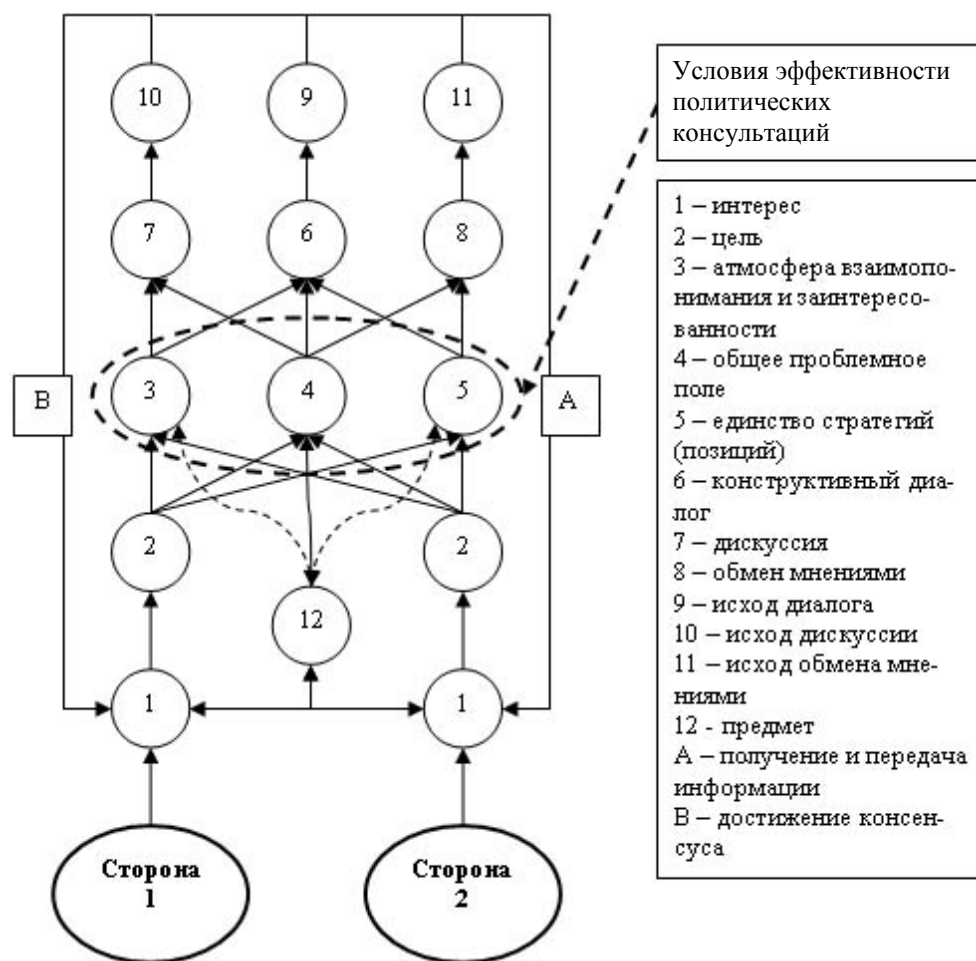

Рис. 4. Механизм политической консультации

поля, то есть совокупности вопросов и проблем; атмосферы взаимопонимания и заинтересованности в разрешении этих вопросов; единой и открытой консультационной стратегии. Достижение этих условий оказывает прямое влияние на результативность политической консультации, а в ее развитии возможны четыре варианта:

1) при наличии всех условий встреча перерастает в конструктивный диалог между сторонами, результатами которого становятся и получение/передача необходимой информации, и достижение консенсуса с последующим подписанием договора или соглашения;

2) при отсутствии единой консультационной стратегии встреча превращается в открытую дискуссию, в ходе которой стороны могут найти консенсус по проблеме, но, как правило, не получают необходимой им информации;

3) при отсутствии атмосферы взаимопонимания и заинтересованности встреча перерастает в обмен мнениями, при этом стороны получают информацию, но в ограниченном виде и размере;

4) не исключается и возможность отсутствия единого проблемного поля. Такое вполне вероятно в том случае, когда одна из присутствующих сторон выступает с имитационной стратегией поведения, не имея ценной ин-

формации, но имитируя свою заинтересованность в начале консультаций. При этом происходит расхождение проблемного поля и предмета. Таким образом, консультация превращается в антиконсультацию, а ее исход зависит от целей и интересов участвующих сторон.

В достижении условий эффективного консультационного взаимодействия сторонам помогают методы политического консультирования, среди которых необходимо выделить процедуру предварительного информирования по дипломатическим каналам, создание международных рабочих групп (экспертных советов, комиссий и комитетов), разработку аналитических отчетов об исполнении соглашений или договоров с последующим ознакомлением с ними сторон, обмен письмами в кулуарах встречи и др.

В итоге механизм политической консультации в мировой политике предстает в качестве *непрерывного направленного обмена информационными потоками и ресурсами, оказывающими эффективное информационно-психологическое влияние на поведение международных акторов.*

В развитии политической консультации можно выделить пять этапов, на каждом из которых консультирующаяся сторона предпринимает вполне прогнозируемые шаги: когнитивный, эвристический, коммуникативный, аналитический и нормативный. При этом деятельность сторон в ходе консультации жестко задана не только временными рамками, но и программой деятельности (табл. 1).

Таблица 1

Поэтапная заданность деятельности участников политической консультации

Этапы политической консультации	Деятельность участников политической консультации
1. Когнитивный (латентный)	Осознание первичных и вторичных потребностей присутствующих сторон Формулировка целей участия в политической консультации Интуитивно-логическое моделирование хода политической консультации
2. Эвристический	Создание оптимальных условий для эффективного прохождения политической консультации Поиск общей стратегии и общего проблемного поля Создание и поддержание атмосферы взаимопонимания и заинтересованности
3. Коммуникативный	Формулировка вопросов, входящих в общее проблемное поле Передача и получение необходимой информации Обмен мнениями Инициирование и последующее участие в конструктивном диалоге или дискуссии
4. Аналитический	Анализ ценности и полезности полученной информации Оценка потерь и приобретений в процессе коммуникативного обмена
5. Нормативный	Достижение неофициальной договоренности Подписание нормативного акта по итогам консультации (договора, соглашения, хартии, пакта и т. п.) Придание подписанному нормативному акту легитимного характера

Эффективная модель политических консультаций предполагает небольшие временные затраты на когнитивный и эвристический этап. Однако действительность такова, что именно первые две стадии отнимают у консультирующихся сторон больше всего времени, поскольку требуют длительного согласования повестки дня, стратегий и позиций.

Под эффективностью здесь понимается *достижение максимального количества соглашений по всему спектру проблем и спорных вопросов, удовлетворение потребности в получении и передаче политической информации всех взаимодействующих в консультационном процессе сторон.*

Одним из примеров эффективного использования политических консультаций в процессе взаимодействия государства и межправительственной организации может считаться практика регулярных встреч министров иностранных дел в рамках Совета Россия — НАТО (СРН), ставшего постоянным консультативным органом, осуществляющим информирование РФ о принимаемых шагах и деятельности НАТО на мировой арене (табл. 2).

Таблица 2

**Образец анализа структуры и содержания
межправительственной консультации в рамках Совета Россия — НАТО**
[3, с. 39—41]*

Структурные компоненты консультации	Содержание
Предмет	Совместные действия по борьбе с терроризмом
Общее проблемное поле	Затронуты более 20 проблем, из них в общее проблемное поле вошло лишь 6
Проблемы, соприкасающиеся с предметом консультации	Борьба с наркотрафиком в Афганистане; контроль над исполнением решений по Афганистану, принятых на заседании СРН 28 июня 2004 г. в Стамбуле; проведение совместных российско-натовских учений в рамках операции «Active Endeavour» по борьбе с терроризмом
Проблемы, выходящие за предметную область	Разрешение политического кризиса на Украине; принятие Военного плана на 2005 г.; защита от ядерного, химического и биологического оружия
Общая консультационная стратегия	Достигнута по всему проблемному полю
Атмосфера взаимопонимания	Достигнута по всему проблемному полю
Исход консультации и ее основные результаты	Утвержден план действий СРН по терроризму; достигнута договоренность об участии РФ в операции «Active Endeavour»; принята Рабочая программа и Военный план на 2005 г.; СРН выразил поддержку афганским властям в осуществлении Национальной стратегии по контролю над наркотиками, в которой преследуется цель к 2007 г. уничтожить 70 % культуры опийного мака, а к 2012 г. — 100 %

* Источник данных — текст заявления Совета Россия — НАТО от 09.12.2004 г. [5].

В целом эффективность носит относительный характер и определяется течением эвристического этапа политической консультации. Именно на этой стадии наблюдается повышение взаимной напряженности в процессе поиска сторонами условий эффективного взаимодействия [9].

Возрастающая эффективность консультационных процессов объясняется равномерным (дозированным) распределением политической информации среди участников, что позволяет быстро принимать оптимальные решения и избегать ситуации неопределенности, которая зачастую приводит к повышению уровня напряженности и развитию организационного конфликта.

Разработанная в настоящем исследовании методология анализа консультаций различных практических уровней дает возможность начать подготовку и реализацию мероприятий по активизации использования этой формы внешнеполитической коммуникации в современной дипломатической практике РФ и ее стратегических партнеров. Это позволит сделать систему международного сотрудничества более открытой, стабильной, прогнозируемой и, главное, приносящей позитивные результаты.

Библиографический список

1. 10 лет Содружества Независимых Государств: иллюзии, разочарования, надежды: Междунар. науч. конф. М., 2001.
2. *Зобнин А. В.* Зарубежный опыт изучения политических консультаций // Вестн. Иван. гос. ун-та. История. Философия. Педагогика. Психология. 2007. Вып. 2.
3. *Зобнин А. В., Польшвинный Д. И.* Переговоры и посредничество в международных отношениях: Метод. рекомендации для студентов, обучающихся по спец. «Международные отношения» / Иван. гос. ун-т. Иваново, 2007.
4. *Кашилев Ю. Б.* Хельсинкский процесс, 1975—2005: Свет и тени глазами участника. М., 2005.
5. Текст заявления Совета Россия — НАТО от 09.12.2004 г. <http://www.nato.int/docu/other/ru/docu-off-text.htm> (дата посещения 15.01.2005 г.).
6. *Хрусталёв М. А.* Методология анализа международных переговоров // Международные процессы. 2004. Т. 2. № 3 (6).
7. *Barroso J. M.* The Transatlantic Partnership in the New European Security Context // NATO Review. 1995. № 5. Vol. 43.
8. *Bishop P., Kane J.* Consultation and Contest: The Danger of Mixing Modes // Australian Journal of Public Administration. 2002. Vol. 61. № 1.
9. *Dougherty A. M. et al.* Disengagement: A Neglected Aspect of the Consultation Process // Journal of Educational and Psychological Consultation. 1996. Vol. 7. № 3.
10. Global Consultations in International Protection: Report of the Meetings within the Framework of the Standing Committee (Third Track) // Refugee Survey Quarterly. 2002. Vol. 21. № 4.
11. *Mastny V.* The Warsaw Pact as History // A Cardboard Castle?: An Inside History of the Warsaw Pact, 1955—1991 / Ed. by V. Mastny and M. Byrne. N. Y.; Budapest, 2005.

АННОТАЦИИ

О. В. Родионова

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОНЯТИЯ ГОСУДАРСТВА И ЕГО СУЩНОСТИ

Статья посвящена анализу понятия государства как современного явления во всем его многообразии, а также его сущностным характеристикам, позволяющим усмотреть общие моменты, свойственные сегодня всем государствам без исключения. Кратко анализируются причины возникновения государства, его исторические формы, трансформация его сущности; особо акцентируется субъективный фактор, который в определенной степени модифицирует тот или иной ракурс видения государства; делается вывод, что системный анализ государства с неизбежностью выявляет солидарность как инвариантный системообразующий принцип, обуславливающий основные качественные характеристики государственно-организованного общества.

Ключевые слова: сущность современного государства.

О. В. Кузьмина

ОСОБЕННОСТИ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ В СОСТЯЗАТЕЛЬНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Обосновывается связь правил доказывания с общей конструкцией уголовно-процессуальной формы. Рассматривается проблема перехода в России от розыскного процесса к состязательному через призму изменения статуса субъектов доказывания, приоритет правил допустимости доказательств при их оценке и принцип благоприятствования защите.

Ключевые слова: уголовно-процессуальная форма, состязательность, правила доказывания, статус субъектов, допустимость доказательств, благоприятствование защите.

И. Ю. Карлявин

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ В СИСТЕМЕ ОБЪЕКТОВ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

Правильное представление об интеллектуальной собственности в системе объектов гражданских прав находится в процессе становления. Цель данной статьи — приблизиться к пониманию концепции, заложенной в части ГК РФ, посвященной интеллектуальной собственности. Причем в качестве точки отсчета берется система объектов гражданских прав, поскольку автор полагает, что учение об объектах гражданских прав есть та непоколебимая концептуальная основа системы гражданских прав, в соответствии с которой должны конструироваться субъективные гражданские права.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, объекты гражданских прав.

О. Ю. Таибова

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ В СФЕРЕ МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ: АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Рассматриваются миграционные отношения как объект правового регулирования и осуществления иных управленческих действий, что предполагает наличие системы органов, оказывающих направляющее воздействие на данную группу общественных отношений. Органы государства обеспечивают защиту прав мигрантов от незаконных действий и решений других субъектов. Поэтому в круг принципиальных вопросов миграционного права необходимо включить вопрос о компетенции публичных институтов, решение которого до сих пор порождает немало серьезных проблем в условиях, когда в системе государственного и муниципального управления не достигнуто четкого разграничения компетенции, а следовательно, и ответственности перед населением за ее осуществление.

Ключевые слова: мигрант, миграционные отношения, миграционное право, государственное управление, миграция населения, правовое регулирование миграционных отношений, разграничение полномочий, государственные органы.

Т. П. Белова

РОЛЬ ЭТНОРЕЛИГИОЗНЫХ ФАКТОРОВ В ГОРОДСКОМ РАЗВИТИИ

Выявляется роль и взаимодействие этнического и религиозного факторов в социальной, экономической и общественно-политической сферах городской жизни, дается анализ результатов анкетного опроса жителей города Иванова.

Ключевые слова: этнический фактор, религиозный фактор, уровень и степень религиозности, этноконфессиональная идентичность, межкультурная коммуникация, толерантность, городское развитие.

А. В. Зобнин

ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНСУЛЬТАЦИИ КАК МЕХАНИЗМ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В XXI ВЕКЕ

Исследование посвящено политическим консультациям, которые могут стать одним из механизмов повышения эффективности внешнеполитической деятельности Российской Федерации в новом мировом порядке в случае их органичной интеграции в развивающуюся систему международных переговоров.

Ключевые слова: политические консультации, межправительственные организации, эффективность консультационного процесса.

SUMMARIES

Rodionova O. V.

TRANSFORMATION OF THE NOTION OF STATE AND ITS ESSENCE

The article is devoted to the analysis of the notion of state as a modern comprehensive phenomenon, variety of its forms and notional characteristics which allow to examine the moments that are common to all states. The author briefly analyzes the reasons of state's origin, its historical forms, transformation of its essence paying special attention to the subjective factor which to a certain extent modifies the views to the notion of state. The system analysis of the state inevitably reveals the notion of solidarity as an invariant system-building principle that defines the main qualitative characteristics of state organized society.

Key words: the essence of modern state.

Kuzmina O. V.

PECULIARITIES OF CRIMINAL CASES' EVIDENT PROOF IN ADVERSARY LEGAL PROCEEDINGS

The connection of evidentiary rules with common construction of penal procedure form is proved in the article. The problem of transition in Russia from investigative process towards adversary process through the prism of the status change of the subject of averment, the priority of the rules of admissibility of evidence in the process of their estimation and the principle of favor of defense are observed.

Key words: penal procedure form, adversary principle, evidentiary rules, subjects' status, admissibility of evidence, favor of defense.

Karlyavin I. Yu.

INTELLECTUAL PROPERTY IN CIVIL RIGHTS OBJECT SYSTEM

The right notion of intellectual property in the object system of civil rights is in the process of formation. The purpose of this article is to get closer to the understanding of intellectual property concept of the RF Civil Code. The reference point is the system of civil law objects, as the author of the article supposes that the civil law object doctrine is that very firm conceptual foundation of the civil law system according to which the subjective civil rights should be formed.

Key words: intellectual property, civil rights objects.

Taibova O. Yu.

**PUBLIC ADMINISTRATION IN THE SPHERE
OF POPULATION MIGRATION:
ADMINISTRATIVE-LEGAL ASPECT**

The article examines migratory relationships as the object of legal regulation and realization of other administrative actions. It means that certain system of bodies providing directing influence on the abovementioned group of social relations should exist. State bodies provide protection to migrants' rights from illegal actions and decisions of other subjects. Therefore it is necessary to include in the frame of principle questions of migratory law the question of the public institutes' jurisdiction. Failing to solve this issue until now causes a lot of serious problems while in state and municipal management system the clear distribution of powers and consequently the responsibility before people is not reached.

Key words: migrant, migratory relationships, migratory law, state management, migration of population, legal regulation of migratory relationships, distribution of powers, state bodies.

Belova T. P.

**THE ROLE OF ETHNIC AND RELIGIOUS FACTORS
IN URBAN DEVELOPMENT**

The article reveals the role and interaction of ethnic and religious factors in social, economic and political spheres of urban life. The author analyzes the results of public opinion poll in Ivanovo

Key words: ethnic factor, religious factor, religiosity level and extent, ethnic and confessional identity, intercultural communication, tolerance, urban development.

Zobnin A. V.

**POLITICAL CONSULTATIONS AS A MECHANISM
OF EFFECTIVENESS INCREASE IN THE ACTIVITY OF FOREIGN
POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE XXI CENTURY**

The research is devoted to the political consultations which may serve as one of the mechanisms of effectiveness increase in the activity of foreign policy of the Russian Federation within the new world order in case of their organic integration into the developing system of international negotiations.

Key words: political consultations, intergovernmental organizations, effectiveness of the consultation process.

Сведения об авторах

ЗОБНИН кандидат исторических наук,
Алексей Владимирович консультант Департамента общественных связей,
молодежной и информационной политики
Ивановской области; член президиума Иванов-
ского отделения общества «Знание» России.
(4932) 32-76-60

КАРЛЯВИН кандидат юридических наук, доцент,
Иван Юрьевич заведующий кафедрой гражданского права,
процесса и основ предпринимательской деятель-
ности, Ивановский государственный университет.
(4932) 30-19-13

КУЗЬМИНА кандидат юридических наук, доцент,
Ольга Владимировна заведующая кафедрой уголовного права
и процесса, декан юридического факультета,
Ивановский государственный университет.
(4932) 32-77-08

ТАИБОВА кандидат юридических наук,
Оксана Юркиновна старший преподаватель кафедры конституцион-
ного, административного и финансового права,
Ивановский государственный университет.
(4932) 30-15-64

БЕЛОВА кандидат философских наук, доцент
Татьяна Павловна кафедры общей социологии и феминологии,
Ивановский государственный университет.
tpb_ivgu@mail.ru

РОДИОНОВА доктор юридических наук, доцент,
Ольга Владимировна профессор кафедры теории государства и права,
Ивановский государственный университет.
spiritr@list.ru

**ВЕСТНИК
ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Серия «Естественные, общественные науки»

Выпуск 3

Право. Социология. Международные отношения

Подписано в печать 24.11.2008 г.

Формат $70 \times 108^{1/16}$. Бумага писчая. Печать плоская.

Усл. печ. л. 6,65. Уч.-изд. л. 6,3. Тираж 500 экз.

Издательство «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39 ☎ (4932) 93-43-41

E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru